

ОБЪЯВЛЕНИЕ!

Почтеннейшие! Тот из вас, кто знает, где находится герр Гутман или встретится с ним где-нибудь, пусть потрудится попросить его во что бы то ни стало немедленно прибыть в Глупск, где его дожидается раввин, чтобы вместе с ним учредить образцовую талмудтору и школу для ремесленников, а также затеять много других полезных нововведений.

Евреи, сыны милосердия, сжальтесь и сделайте это ради бедных еврейских детей!..

1864—1879.

П О В Е С Т Ь

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВЕНИАМИНА ТРЕТЬЕГО.

или краткое описание того, как проник он в Горы Мрака, что видел и слышал в дальних странах; описание всех его приключений, изложенное на языках народов мира, а ныне и на нашем еврейском языке МЕНДЕЛЕ-КНИГОНОШЕЙ.

Вступление Менделе-книгоноши

מסעות בנימין השלישי

הקדמת מענדעלע מוכר ספרים

אמר מענדעלע מוכר ספרים, זאגט מענדעלע מוכר ספרים, געלויבט איז דער בורא, וואס באשטימט דעם גאנג פון די גלגלים אין דעם הימל אויבן און דעם גאנג פון זיינע אלע באשעפענישן אויף דער ערד אונטן. אפילו א גרעזעלע קריכט נישט ארויס פון דער ערד, ביז וואָנען אַ מלאך שלאָגט עס נישט און זאָגט: וואָקס! קריך! אַרויס! מכל-שכן אַ מענטש. ער האָט אַוודאי אַ מלאך, וואָס שלאָגט אים און זאָגט: גיי, גיי, קריך! אַרויס! און מכל-שכן נאָך מער די פינגער נע מענטשעלעך, שיינע יידעלעך. קיין נאָר כאָפט זיך פּרעטער פון אַיטלעכן נישט אַרויס מיט אַ וואָרט, ביי אונדז, קיין שוטה ווערט נישט קיין בעל-עצה, קיין עס-הארץ — אַ חסיד, קיין גראָבער יונג — אַ משכיל, ביז וואָנען עס שלאָגט נישט אַיטלעכן פון זיין מלאך, נייטנדיק אים דערצו. עס שלאָגן די מלאכים אויך אלע מיני קבצנים, אונדזערע, זאָגנדיק: וואָקסט, קבצנים, אַביונים, דלפנים, געבוירענע, אַפּגעקומענע, אַפּענע, פּאַרבאַרגענע, שפּראַצט, וואָקסט ווי גראָ, ווי קראַפטווע! גייט, ייִדישע קינדער, גייט — איבער די הייזער!.. נאָר נישט דאָס אָבער ביזן אַיך אויסן, אַיך בין אויסן צו דער- ציילן דאָ אַיך, רבותים, ווי איינער פון אונדזערע ברידער איז פּאַר- גאַנגען העט-העט אין די ווייטע מקומות און האָט דערמיט קונה-שט געווען.

אלע ענגלישע און דייטשע גאָזעטן זיינען פּאַראַיאַרן פול געווען מיט דער ווונדערלעכער נסיעה, וואָס בנימין אַ פּויליש יידל, האָט געמאַכט אין די ארצות המרחק ערגעץ. סטייטש, סטייטש, — האָבן זיי זיך געחידושט, — אַ ייד, אַ פּוילישער ייד, אַן כלי-זייג, אַן מאַש-

Так говорит Менделе-книгоноша: благословен создатель, предназначавший пути светил в высях небесных и всех его тварей в низинах земных! И травинка из-под земли не пробьется, покуда ангел легкокрылый не ударит по ней и не повелит: пробивайся, расти!.. Тем паче человек! У него-то, наверное, имеется ангел-хранитель, который подгоняет его и повелевает: ну-ка, выползай на свет божий!.. А уж о людях почтенных, о людях уважаемых и говорить не приходится! Их, конечно, охраняют сонмы херувимов, подстрекающих каждого и нашептывающих ему примерно так: «Ну-ка, Хайкеле, душа моя, пойдика займи деньжонок, сколько сможешь! Ступай-ка нахватай товаров у купчишек короткополых! Вылезай, Хайкеле, выбирайся, шельмец этакий, из болота! Вытащи потихоньку весь товар из своей лавки, а кредиторам кукиш покажи!.. А ты, Ицикл, пройдоха этакий, потрудись явиться к своему помещику-покровителю, выкинь какой-нибудь фокус-покус, обведи его вокруг пальца, шепни ему на ушко про одного, про другого, — про кого вздумается...» И еще наставляют ангелы: «Плоди-

тесь и размножайтесь, нищие, подобно траве и крапиве. Таскайтесь, сыны израилены, таскайтесь по миру!.. А вы, хозяйева достопочтенные, всё равно зря небо коптите, делать вам нечего, в баню пожалуйте, париться!..»

Но не то разумею. Намереваюсь я рассказать вам, высокочтимые, об одном из братьев наших, о том, как забрел он в дальние края и тем самым снискал себе славу нетленную.

Все английские и немецкие газеты в прошлом году не переставали писать об удивительнейшем путешествии, совершенном неким польским евреем Вениами-

נעם, נאך מיט אַ טאַרבע אויף די פלייצעס און מיט אַ טלית-זאָק אונטערן אַרעם זאָל אַנשאַפֿאַרן אין אַזעלכע ערטער, וווּ באַרימטע ענג-לישע רײזנדע האָבן אַהין נישט געקענט צוקומען נישט אַנדערש, אַז דאָס איז געשען נישט מיט קיין מענטשלעכן כוח, עפעס נאָר מיט אַזאַ כוח, וועלכן דער שכל קאָן כלל נישט משיג זײַן, דאָס הייסט, דער שכל איז פונקט נישט אַזוי בכוח, אַזוי ווי דער דאָזיקער כוח איז נישט בשכל, נאָר בכל האופנים, ווי די מעשה איז שוין דאָרט געווען, בנימינען האָט די וועלט צו דאַנקען פֿאַר די חידושים, גרוי-סע זאַכן, וואָס זײַנען דורך אים אַנטפלעקט געוואָרן און פון איצט אָן וועט די מאַפע אָדער די לאַנדקאַרטע באַקומען גאָר אַן אַנדער פנים. בנימין פֿאַרדינט מיט רעכט דעם מעדאַל, וואָס די געאָגראַפֿיע שווערעלשאַפט האָט אים געגעבן...»

די ייִדישע גאַזעטן האָבן די דאָזיקע רייד אויפגעכאַפט מיט ביידע הענט און געהאַט דערמיט צו זינגען און צו זאָגן דעם גאַנצן פֿאַראַיאַריקן זומער, אַזוי ווי אַיטלעכע, וואָס לייענט די דאָזיקע גאַזעטן, איז באַקאַנט. זיי האָבן אויסגערעכנט אַלע חכמים, וואָס זײַנען בײַ יידן געווען פון אַדום הראשון אָן ביז אַצינד, בכדי צו באַרײַתן וואָס פֿאַר אַ קלוג פֿאַלק יידן זײַנען, האָבן אויך אויסגעשטעלט אַ צעטל פון די נוסעים (רײזנדע) אין אַלע צײַטן פון בנימין דעם ערשטן, מיט אַ זיבנהונדערט יאָר צוריק, און בנימין דעם צווייטן מיט דער גאַנצער חברה נוסעים, וואָס וואַנדערעווען הײַנט בײַ אונדז אַרום, און בכדי מפליגי צו זײַן די נסיעה פון אונדזער איצטיקן בנימין, האָבן זיי, ווי דער שטייגער איז פון יידן, דערווייל פון יענע בלאַטע גע-מאַכט און געזאַגט, אַז די גאַנצע כּוּפּיע הײַנטיקע נוסעים זײַנען טאַקע גאָר פֿאַרשטע שלעפּערס, וויסן נישט פון זייער חיות, די גאַנ-צע נסיעות זייערע, מישטיינס געזאַגט, באַשטייען נאָר דרייטע, אַרומ-צושלעפּן זיך, ווי מקבלים, איבער די היזער, די האָבן אַלע אַ פנים ווי מאַלפעס אַקען איצטיקן בנימין, אַקען בנימין דעם דריטן,

דעם עכטן, אמתן נוסע, זיי האָבן אויף אים און אויף די ספרים, וואָס מען האָט געמאַכט פון זײַן נסיעה, געזאַגט ווי געוויינטלעך דעם גע-וויסן פּסוק: לא בא כבושם הזה, דאָס טײַטש: סײַ אזוי נאָך אַזעלכע בשמים, אַזעלכע שמעקנדיקע געוויץ בײַ יידן קיין מאָל נישט געווען, געבענטשט און אײַנגעוויקלט מיט דימענטן זאָל ווערן דער דאָזיקער, — האָבן זיי אַלע פה אחד געזאַגט, — וועלכער עס וועט דעם טײַערן אוצר פון בנימינס נסיעה, וואָס געפינט זיך אין אַלע פרעמדע לשונות, אַריבערטראָגן אויך אין לשון הקודש, ניכטי לאָזן יידן, נעבעד, אויך פֿאַרזוכן די פֿאַטיקע, וואָס דינט פון ייִדישן בינשאַטאַק, און זאָל די דערפון ליכטיק ווערן אין די אָרען.

אָני מענדעלע, און איד מענדעלע, וואָס מײַן כּוּונה איז תמיד נוצן צו ברענגען אונדזערע ייִדעלעך כּפי מײַן מעגלעכקייט, האָבן איד מיך נישט געקענט אײַנהאַלטן און געזאַגט: איידער די ייִדישע מחברים, וואָס זייער מינדסטער פּינגער איז גרעבער פון מײַנע לענדן, איידער זיי וועלן זיך אויסשלאָפֿן אַרויסגעבן די ספרים פון בנימינס נסיעה אין לשון-קודש, וועל איד דערווייל מיך פּראַוון כאַטש אַ קיצור פון זיי אַרויסגעבן אויף פֿאַרשט ייִדיש, איד האָבן אַנגעגורט מײַנע לענדן ווי אַ גיבור, און ווי אַלט און שלאָף איד בײַ, לא עליכם, האָבן איד מיך פֿאַרט שטאַרקע מי געגעבן אַרויסצובאַקומען פונעם גרויסן אוצר אַזעלכע ענינים, וואָס טויגן פֿאַר די קינדער ישראל, און צו דערציילן זיי פֿריי, כּפי מײַן שטייגער, איד האָבן עפעס געפילט, ווי מען שלאָגט מיך פון אויבן מיט די ווערטער: הקיצה, מענדעלע, כאַפּ זיך אויף, מענדעלע, און קריי-אַרויס פון אונטערן אויוווי גיי נעם אָן פולע הויפּנס גשוירץ פון בנימינס אוצר און מאַך דערפון פֿאַטראַוועס צו דינע ברידער, אַזוי ווי זיי האָבן ליב, איד בין מיט גאַטס הילף אַרויסגעקראַכן און צוגעברייט די געשמאַקע שפּיץ, וואָס איד שטעל איצט דאָ פֿאַר אײַך אַינדער, עסט, רבותים, לאַז אײַך ווײַל באַקומען

ном в восточные земли. «Помилуйте,— восклицали они в изумлении,— еврей, польский еврей, без оружия, без снаряжения, с одной лишь сумой за плечами, с молитвенником и филактериями под мышкой, проник в такие дебри, до которых даже великие и знаменитые английские путешественники добратся не могли! Должно быть, не человеческими усилиями совершено это, а силами, кои разуму нашему постичь не дано. Это означает, что разум в такой же степени бессилён, в какой и сила наша разуму непостижима. Но во всяком случае, как бы там ни было, весь мир обязан Вениамину теми открытиями и великими деяниями, которые он совершил и благодаря которым карта мира обрела совсем иной облик. Вениамин по праву заслужил медаль, присужденную ему Лондонским географическим обществом...»

Еврейские газеты тут же подхватили эти рассуждения и, как известно читателям этих газет, носились с ними и раздували их в течение всего прошлого лета. Они перечисляли всех еврейских мудрецов от Адама до наших дней, дабы показать, как велик и мудр еврейский народ. Они даже сочинили подробный перечень путешественников всех времен, начиная от Вениамина Первого¹, жившего семьсот лет тому назад, и Вениамина Второго² и кончая бесчисленной оравой бродяг, странствующих у нас и по сей день. И дабы возвеличить путешествия нынешнего Вениамина, газеты, как это водится у евреев, перво-наперво смешали с грязью его предшественников, присовокупив, что все теперешние путешественники — попросту скопище попрошайек, не имеющих пристанища и крова... Все их, с позволения сказать, странствия — это не что иное, как хождение из дома в дом за подаванием; куда им, обезьянам этаким, до нашего Вениамина, Вениамина Третьего, подлинного путешественника! Это о нем, о трудах, описывающих его странствия, твердили газеты, повторяя на все лады известное изречение: «Столь благоуханных кореньев, столь ароматных трав среди евреев никогда еще не произрастало. Благословен и осыпан алмазами да будет тот,— провозглашали они,— кто драгоценный клад путешествия Вениаминова, воспетый на всех языках мира, прославит и на языке священном: ³ пускай и евреи отведают патоки, сочащейся из еврейского улья, и да воспрянут они духом!...»

И я, Менделе, всегда исполненный желания приносить в меру сил моих пользу нашим братьям евреям, не смог удержаться и решил: «Покуда еврейские сочинители, мизинец коих толще моего бедра, соберутся издать свои фолианты о путешествии Вениамина на священном языке, попытаюсь-ка я хотя бы вкратце рассказать о нем на нашем простом еврейском языке». И вот, уподобившись ратоборцу, препоясал я чресла свои и, невзирая на дряхлость и немощь свою, немало потрудился и извлек из обильного сего клада то, что будет на пользу детям Израиля, чтобы поведать об этом со свойственной мне чистосердечностью. Я как бы внял грозному велению свыше: «Пробудись, Менделе, проснись, вылезай из-за печи! Набери полные пригоршни благоуханных трав из сада Вениаминова и приготовь яства для братьев твоих по вкусу их». И вот я с божьей помощью выбрался из-за печи и приготовил пряное блюдо, которое и ставлю перед вами. Вкушайте, почтенные, на доброе здоровье! Да послужит вам повесть сия поучением: пусть преуспевает в делах своих всяк по своему желанию, всяк по своему разумению. А если, упаси бог, кто-нибудь ошибется, пусть изловчится и извернется, да пребудет неизменно прав и да сопутствуют ему все блага, как желает вам того ваш верный слуга

смирный Менделе-книгоноша.

¹ Вениамин из Туделы — знаменитый путешественник XII века; оставил книгу под названием «Путешествия рабби Вениамина».

² Вениамин Второй (1818—1864), настоящее его имя Иосиф Израиль. Питая склонность к скитальческой жизни, он принял имя путешественника Вениамина из Туделы. Книга Вениамина Второго «Пять лет на Востоке» была издана на древнееврейском языке в 1856 году.

³ То есть на древнееврейском.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кто такой Вениамин, откуда он родом и как он ни с того ни с сего стал путешественником

«Всю свою жизнь,— рассказывает о себе сам Вениамин Третий,— то есть вплоть до того, как я задумал совершить свое великое путешествие, я провел в Тунеядовке. Здесь я родился, здесь воспитывался, здесь же в добрый час и сочетался браком с женой своей, благочестивой Зелдой,— да пошлет ей господь долгие годы».

Тунеядовка — маленький городок, заброшенный уголок, в стороне от почтового тракта, почти отрезанный от мира. Случится, попадет туда кто-нибудь,— жители распахивают окна, двери, и с удивлением разглядывают нового человека. Соседи, высунувшись из

окон, спрашивают друг у друга: «Кто бы это мог быть? Откуда он к нам свалился?.. Что ему нужно?.. Спроста ли это?.. Нет, не может быть! Так просто, ни с того ни с сего не приезжают! Видимо, здесь кроется нечто такое, что надо разгадать...»

При этом каждый пытается блеснуть смекалкой и житейским опытом. Догадки, одна другой чудовищней, сыплются, как из дырявого мешка.

Старики рассказывают истории, приводя в пример подозрительных «гостей», которые в таком-то и таком-то году приезжали сюда. Шутники норовят состричь, и иной раз не совсем пристойно. Мужчины пощипывают бородки и ухмыляются. Пожилые женщины полшутя, полусердито бранят остряков. Молодухи переглядываются исподлобья, прикрывают рот рукой и давятся, едва сдерживая смех. Рассуждения по этому поводу катятся от двора к двору и, словно снежный ком, разрастаются, набухают, пока не докатятся до самой синагоги — за широкую печь, куда обыкновенно ходят всевозможные слухи и толки о всяких делах и событиях,— будь то семейные тайны или же политические суждения насчет Стамбула, насчет турка или австрияков; будь то дела денежные, как, например, о размерах капиталов Ротшильда по сравнению с достоянием крупных окрестных помещиков или других известных богачей; или будь то последние новости о гонениях на евреев, о племени красноликих израильтян¹ и тому подобное. Каждый из этих вопросов обсуждается особым комитетом, состоящим из благообразных пожилых людей, просиживающих в си-

¹ Красноликие израильтяне — мифические еврейские племена.

нагоге с утра до полуночи, покинувших на произвол судьбы жен и детей своих и всецело бескорыстно, безвозмездно, спасения души ради отдавших себя нескончаемым беседам и спорам. Отсюда все эти спорные вопросы частенько перекочевывают в баню, на верхний полчок, и там при полном сборе местечковых обывателей получают окончательное, не допускающее возражений разрешение. После этого никакие властители Востока и Запада, хоть становись они на голову, ничего не изменят. Турецкий султан на одном из таких заседаний чуть было не попал в беду. Не будь среди почтенных хозяев нескольких ярых его приспешников,— кто знает, что бы с ним стряслось!.. Бедняга Ротшильд чуть было не лишился там десяти — пятнадцати миллионов. Впрочем, несколько недель спустя, когда в бане было не очень холодно и веники непрерывно взмывали кверху, публика, что называется, расшедрилась, и Ротшильду сразу накинули миллион полтора чистой прибылью...

Что касается самих обитателей Тунеядовки, то они, не про вас будь сказано, люди бедные, можно сказать — нищие. Но нужно им воздать должное — бедняки они веселые, жизнерадостные, неунывающие. Если спросить невзначай тунеядовского еврея, как и чем он перебивается, бедняга в первую минуту не найдет что ответить, растеряется. А придя в себя, проговорит смиренно:

— Я? Как я живу? Да так... Есть на свете бог, скажу я вам, который печется обо всех своих созданиях... Вот и живем... Авось он, скажу я вам, и впредь не оставит нас своими милостями...

— Чем же вы все-таки занимаетесь? Знаете какое-нибудь ремесло или другим чем кормитесь?

— Грех жаловаться... Господь бог одарил меня голосом. По праздникам я молюсь у амвона, обрезание делаю, мацу раскатываю мастерски, иной раз молодого человека с девицей сосватаю... У меня и место постоянное в этой вот синагоге имеется. Кроме того, я, между нами говоря, содержу шинок, который «донт-ся» помаленьку, а коза у меня, не сглазить бы, и вообще неплохо донт-ся. К тому же здесь неподалеку есть у меня богатый родственник, — и его на крайний случай подонть можно... А помимо всего прочего, скажу я вам, есть на свете бог, да и евреи — народ жалостливый, сердобольный... Так что, скажу я вам, нечего господу гневить!

И еще нужно воздать должное тунеядцам — люди они без причуд: в нарядах неприхотливы, да и в еде не слишком привередливы. Истрепался, к примеру, субботний кафтан, расплзается по швам, порван, грязноват, — ну, что поделаешь! Все-таки он, как-никак, атласный, блестит. А что местами сквозь него, как в решето, голое тело видать, так кому какое дело? Кто станет приглядываться? Да и чем это ззорнее голых пяток? А пятки разве не часть человеческого тела?!

Кусок хлеба с кулешом — были бы только, — чем плохой обед? А уж о кисло-сладком мясе с булкой в пятницу, если есть у кого, — и говорить нечего. Это ведь достойно царского стола! Лучше этого, пожалуй, и на свете нет! Если бы кто-нибудь стал говорить тунеядцам об иных блюдах, кроме фаршированной рыбы, жаркого, тушеной моркови или пастернака, на него посмотрели бы как на дикаря и отпустили бы по его адресу немало язвительных словечек, высмеяли бы: с придурью он, что ли, или рехнулся и пытается заморочить тунеядцам голову всякими небылица-

турецким султаном: доколе же правитель измаильтян будет властвовать? Снова пошли разговоры о десяти коленах Израилевых¹, о том, как счастливо они живут в далеких краях в богатстве и чести. Пошли толки и рассказы о красноликих израильтянах — потомках Моисеевых, об их могуществе и разных подобных вещах. Им я, главным образом, и обязан путешествием, которое потом совершил...»

До той поры Вениамин был подобен невылупившемуся из скорлупы цыпленку или червяку, забравшемуся в хрен: он думал, что на Тунеядовке свет клином сошелся, что жизни лучше и слаще, чем здесь, и быть не может.

«Я полагал, — говорит в одном месте Вениамин, — что богаче нашего арендатора не к чему и быть. Шутка ли! Такой дом, такое достояние! Четыре пары медных подсвечников, висячий шестисвечник с орлом наверху, два медных котла, пять медных кастрюль, целая стопка оловянных тарелок, чуть ли не дюжина томпаковых² ложек, два серебряных бокальчика, посудинка для пряностей, ханукальный светильник, часы-луковица с двумя крышками и толстой цепочкой из ракушек, две коровы да еще третья стельная, два субботних кафтана и еще много всякого добра! Я был уверен, что единственный на свете мудрец — это реб Айзик-Довид, сын реб Арн-Иосла, мужа Соре-Златы. Шутка ли! Говорят, еще в молодости он знал толк в дробях! Он мог бы стать министром, улыбнись ему

¹ Десять колен Израилевых. — Согласно преданию, в 722 г. до н. э. ассирийцы, разрушив древнеизраильское царство, увели в плен десять колен (племен) Израилевых. Это предание служит сюжетом многих легенд и сказаний.

² Томпак — сплав меди с цинком.

ми — пролетала, мол, корова над крышей и яичко снесла...

Сладкий рожок — ведь это плод, радующий душу! Глядя на него, вспоминаешь землю израильскую! При этом закатывают глаза и вздыхают: «Ах, веди нас, отец милосердый, в радости в страну нашу родную, где козы питаются сладкими стручками рожкового дерева!»

Случилось однажды, что кто-то привез в местечко финик. Посмотрели бы вы, как сбежались глазеть на это чудо! Раскрыли пятикнижие и удостоверились, что финик упоминается в библии! Поразительно! Подумать только — финик, вот этот самый финик родом из страны Израиля!.. Казалось, вот она, земля обетованная, перед глазами: вот переходят через Иордан, вот гробница праотцев, могила прапастери Рахили, западная стена иерусалимского храма... Вот, казалось тунеядцам, они погружаются в теплые воды Тивериады, взбираются на Масличную гору, едят финики и рожки и набивают себе полные карманы священной землею палестинской...

— Ах! — восклицали тунеядовцы, и слезы навертывались у них на глаза.

«В ту пору, — рассказывает Вениамин, — вся как есть Тунеядовка душою была в стране Израиля. Горячо говорили о мессии и со дня на день ожидали его пришествия. Кстати, назначенный новый полицейский пристав особенно сурово правил местечком: у нескольких евреев сорвал с головы ермолки, одному пейсы обрезал, кое-кого сцапал поздно ночью в переулочке без паспорта, забрал чью-то козу, которая сожрала новую соломенную крышу... Это, помимо всего прочего, побудило запечный комитет усиленно заняться

счастье. У кого еще, казалось мне, такое благообразное обличье, такой умильный говорок, как у нашего Хайкла Заики! Есть ли на белом свете другой такой знаток своего дела, такой воскрешающий из мертвых целитель, как наш лекарь, который, по слухам, обучался искусству врачевания у некоего цыгана из египетских чудодеев».

Словом, жизнь в местечке казалась Вениамину прекрасной, замечательной. Правда, жил он в нужде: и он сам, и его жена, и дети были разуты, раздеты. Но разве Адам и Ева стыдились своей наготы в раю? Однако удивительные рассказы о «красноликих израильтянах», о «десяти коленах» запали Вениамину глубоко в сердце, и с тех пор ему показалось тесно в местечке. Что-то влекло его туда, туда — в далекие земли. Всем сердцем тянулся он в те края, как тянется ручонками ребенок к далекой луне. Казалось бы на первый взгляд, ну что такое финик, пристав, ермолка, пейсы, еврей, задержанный поздно ночью в переулке, коза да соломенная крыша? И тем не менее все это произвело в нем серьезную перемену и способствовало тому, чтобы он осчастливил мир своим знаменитым путешествием. В жизни нередко приходится наблюдать, как незначительные обстоятельства становятся причиной больших и даже великих дел. Оттого что крестьянин посеял пшеницу и рожь, оттого что мельник смолот зерно, часть которого попала на винокуренный завод и превратилась в водку, а другая часть оказалась в руках шинкарки Гитл, которая поставила опару, замесила тесто, раскатала его и испекла пироги, оттого что финикияне много тысяч лет тому назад открыли способ изготовления стекла, из которого делают рюмки и бокалы, — вот вследствие всех этих,

казалось бы, незначительных причин во многих городах появились не в меру ретивые общественные деятели и достохвальные воротилы...

Возможно, что в Вениамине тлела искра путешественника. Искра эта погасла бы, если бы события и дела того времени не раздули ее в пламя. Впрочем, если бы искра и не погасла совсем, то, не будь этих событий, она теплилась бы в нем едва-едва, и Вениамин сделался бы в конце концов водовозом, в лучшем случае — извозчиком. Я встречал в своей жизни немало извозчиков и погонщиков, которые, право же, могли бы стать путешественниками, ничуть не хуже тех, что нынче кочуют по еврейским городам и местечкам... Но не в этом суть.

С тех пор Вениамин с особым рвением углубился в описание путешествий рабби Бар-Бар-Хоны¹ по морям и пустыням. Позже он отыскал книгу Эльдада Гадоны², книгу «Путешествия Вениамина», лет семьсот тому назад ездившего чуть ли не на край света, книгу «Достопримечательности Иерусалима»³, с приложениями, а также книгу «Отображение мира»⁴, в которой на семи страничках излагаются все семь премудростей и рассказываются чудеса обо всей вселенной и о разных ее диковинных созданиях. Все эти поч-

тенные труды раскрыли Вениамину глаза и буквально преобразили его.

«Эти поразительные истории,— говорит Вениамин в своей книге,— приводили меня в восторг. Боже мой! — не раз восклицал я.— Если бы господь сподобил меня увидеть собственными глазами хотя бы самую долю сего! Я уносился мыслью далеко-далеко...»

С той поры Вениамину и в самом деле стало тесно в Тунейдовке. Он всеми силами старался вырваться оттуда. Так созревший цыпленок начинает долбить скорлупу, дабы вылезть из яйца на свет божий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вениамин становится подвижником и покидает жену

По природе своей наш путешественник Вениамин был невероятно труслив: ночью он боялся ходить по улице, ночевать один в доме не согласился бы, хоть озолоти его. Отправиться чуть подалее за город означало для него попросту рискнуть жизнью,— мало ли что может случиться! Какая-нибудь ледящая собачонка внушала ему смертельный страх.

«Однажды,— рассказывает Вениамин,— как сейчас помню, случилось это летом, в знойный день: наш раввин с одним из своих приближенных пошел окунуться в речку, что течет за городом. Я и еще несколько мальчиков, моих товарищей, почтительно сле-

довали за ним, в полной уверенности, что мы с божьей помощью благополучно вернемся домой: мы целиком надеялись на раввина. Шутка ли, раввин, перед которым весь мир преклоняется, над которым и старшего нет! Человек, чей титул едва умещается на целом листке бумаги!..

Раввин, наш хранитель и защитник, уверенно шагнул далеко вперед. Однако, когда он уже стал раздеваться, откуда ни возьмись налетел какой-то озорник и натравил на него свою собаку. Наш покровитель пустился бежать. Одной рукой он придерживал, извините за выражение, расстегнутые исподники, а другой — свою круглую стеганую шапку из шелкового плюша. Мы, мальчишки, и подавно перепугались. Уж если на удочку мог попасться такой кит, то о жалкой плотве и говорить не приходится! Собравшись с духом, мы ни живы ни мертвы, подобно оленям быстроногим, неслись с дикими воплями и криками, пока во главе с нашим богатырем не домчались до города. Поднялся переполох, крики: «Горим! Бьют! Убивают!..» Никто ничего толком понять не мог...»

Предпринимаемая путешествие в дальние края, Вениамин решил прежде всего преодолеть в себе трусость. Он нарочно заставлял себя гулять по ночам в одиночку, нарочно спал в пустой комнате, умышленно часто уходил за город. Все это давалось ему нелегко, он даже отощал, осунулся. Поведение его и дома и в синагоге, его задумчивое, побледневшее лицо, частые исчезновения из города на долгие часы,— все это многим показалось подозрительным: о нем заговорили, он стал предметом горячих споров. Одни горожане утверждали: Вениамин сошел с ума, рехнулся. Во-первых, доказывали они, Вениамин особенно острым

умом никогда не отличался: ему всегда какой-то клепки в голове не хватало; во-вторых, в Тунейдовке вот уже несколько лет не было сумасшедшего. Ну мыслимо ли такое? Ведь это же истина: в каждом городе — свой мудрец, в каждом городе — свой сумасшедший. Тем более, что и лето нынче невыносимо жаркое! Словом, все ясно: Вениамин, попросту выражаясь, свихнулся! Другие же, во главе с реб Айзик-Довидом, сыном реб Арн-Иосла, мужа Соре-Златы, твердили: «Нет! и опять-таки нет! Вениамин, правда, человек придурковатый и даже весьма придурковатый, но из этого еще никак не следует, что он неминуемо должен еще вдобавок и сойти с ума. Ибо, если бы это было так, то возникает вопрос: почему именно теперь, а не раньше? Наоборот, с гораздо большим успехом он мог бы рехнуться два года назад или в прошлом году, когда лето было не в пример жарче нынешнего. Что же касается истины, согласно которой Тунейдовка ничем не хуже других городов, то ведь опять-таки остается нерешенным вопрос: почему вот уже несколько лет город обходится без своего сумасшедшего?»

Спрашивается: ну а как же истина? На это можно возразить: «А река? Ведь река спокон веков ежегодно поглощает по одному человеку — это истина непреложная! Тем не менее вот уже несколько лет подряд, как никто у нас не тонул. Наоборот, река в эти годы до того обмелела, что в некоторых местах ее можно перейти, ног не замочив...»

Все это верно, но что же происходит с Вениамином? Этот вопрос, к сожалению, так и остался неразрешенным. Однако большая часть жителей, в том числе и женщины, говорили: «Вениамин, судя по всему, связался с нечистым... Сдружился с дьяволом... Иначе

202

леко-далеко, на край света. Вот шествует он по горам и долам, перебирается через пустыни и всякие другие места, описанные в прочитанных им книгах, — по следам Александра Македонского, Эльдада Гадони и других, видит всякую страшную Змея гремучего, гадюк ползучих и всякого рода чудовищ. Вот он наконец добрался до обители красноликих израильтян и вступает в беседу с потомками Моисеевыми... Затем, благополучно придя в себя, Вениамин стал размышлять: когда же и как ему наконец начать свое путешествие.

Незаметно подкрался вечер, наступила ночь. Вениамин поднялся, устало потянулся и направился домой. Идет, идет, а из лесу никак не выберется. Проходит час, два, три, четыре, а лесу конца краю нет. Еще глубже забрался в чащу — темень хоть глаз выколи. Внезапно поднялась буря, пошел проливной дождь, загрохотал гром, засверкала молния, грозно зашумели деревья. Жуть! Вениамин застыл на месте. Он промок, зуб на зуб не попадал от озноба и страха. Ему казалось: вот-вот на него навалится медведь, вот-вот его растерзает лев, леопард, вот-вот на него надвинется «Матул», о котором в «Отображении мира» сказано, что это огромное чудовище с длинными руками, которыми оно в силах свалить слона. Вениамина обуял страх. К тому же он был смертельно голоден: за весь день съел лишь гречневый коржик. С горя Вениамин принялся читать вечернюю молитву... Молился он горячо, от всего сердца...

Наконец-то, с божьей помощью, наступило утро; Вениамин двинулся дальше. Шел, шел, пока не добрался до какой-то тропинки. По этой тропинке плелся он часа два. И вдруг услышал издали человеческий голос. Однако, вместо того чтобы обрадоваться этому

зачем бы он стал бродить по ночам в темноте? Где это он часами пропадает? Почему спит один в чулане? Даже Зелда, жена его, утверждает, что ночью из чулана доносится какой-то стук, шум, точно кто-то погами топает...»

Толки эти, как обычно, покатались сначала в синагогу, за печь, а оттуда в баню, на верхний полук. Столковаться относительно Вениамина так и не удалось. Порешили пока составить комиссию из нескольких благочестивых прихожан вкупе с писцом, обойти все дома подряд по списку и проверить «мезузы». А так как мероприятие это рассматривалось как дело общественное и полезное для города, то постановили: для покрытия расходов на содержание этой комиссии повысить цены на мясо...

У тунейдовцев есть такая поговорка: «О чем речь ни поведешь, на смерть перейдешь»; о чем бы ни спорили на собраниях, дело кончается объявлением новой таксы на мясо.

Иначе и быть не могло. Такова логика: человеку смерти не миновать, а еврею — новой таксы. Смерть и такса — вот две силы, от которых не избавишься и никуда не денешься. Так уж всевышний сотворил мир, значит, так тому и быть. А вопросы задают одни лишь вольнодумцы и безбожники.

Спустя некоторое время с Вениамином приключилась история, принесшая ему славу. В один из знойных летних дней он вышел в полдень, когда солнце пекло немилосердно, погулять за город и забрался в лес дальше обычного. В кармане у него с собою были книги, без которых он теперь и шагу не делал. В лесу Вениамин лег под деревом и стал напряженно думать. А думать было о чем. В мечтах своих он уносился да-

голосу, он, бедняга, затрепетал: Вениамин был убежден, что это разбойник. От страха он без оглядки пустился бежать обратно, подобно тому как некогда мчался впереди равнина. Но вскоре он опомнился: «Стыдно, Вениамин! Ты собираешься скитаться по морям и пустыням, где обитают дикие племена, где кишмя кишат всякого рода чудовища и звери, а тут пугаешься одной лишь мысли о встрече с разбойником! Какой позор! Неужто и Александр Македонский, как ты, пришел в отчаяние, когда у него на острие копья кончилось мясо, которое клевал носивший его на своих крыльях орел? Нет! Александр Македонский не убежал: он у себя самого вырезал кусок живого мяса и надел его на острие копья! Крепись же, Вениамин! Господь подвергает тебя испытанию. Выдержишь его, — благо тебе! Тогда ты удостоишься милости божьей, тогда исполнятся твои намерения и чаяния о встрече с потомками Моисеевыми. Ты потолкуешь с ними о судьбе евреев в наших краях, расскажешь им подробно об обычаях наших братьев, о том, как они живут и что делают. Если выдержишь это испытание, если повернешь обратно на услышанный тобою голос, тогда одолеешь все страхи и ужасы, тогда окрепнут силы твои, и прославишься ты среди сынов Израиля, и станешь гордостью Тунейдовки. Тунейдовка и Македония — вот два края, которые прогремят на весь мир по милости Александра Тунейдовского и Вениамин Македонского!..»

Набравшись духу, Вениамин повернул обратно. Уповая на лучшее, он отважно шагал до тех пор, пока не повстречался лицом к лицу с этим самым «разбойником». То был крестьянин, ехавший на возу с мешками; в упряжке была пара волов.

— Добрый день! — произнес, приблизившись, Вениамин не своим голосом, в котором слышались одновременно и крик и отчаяние: «Делай, мол, со мной, что хочешь!» и мольба: «Сжался надо мной, пожалей мою жену и малых деток!..»

Проговорив, вернись, прокричав или даже просто навав свое приветствие, Вениамин умолк, будто подавился. У него закружилась голова, в глазах потемнело, ноги подкосились, и он замертво упал наземь.

Очнувшись, Вениамин увидел себя на возу, лежащим на большом мешке с картошкой под толстым тулупом. В головах лежал связанный петух, который поглядывал на него сбоку одним глазом и царапал Вениamina когтями. В ногах стояли плетенки с молодым чесноком, луком и всякой другой зеленью. Очевидно, там лежали и яйца, так как в воздухе носилась полова, застилавшая глаза. Крестьянин, сидевший на возу, спокойно курил трубку и покрикивал на волов: «Цоб!.. Гайда!.. Цоб!» Волы еле передвигались, а колеса дико скрипели, каждое на свой лад. Получался какой-то немислимый концерт, от которого верещало в ушах. Видно, и петуху эта музыка была не по душе: каждый раз, когда колеса при полном обороте издавали визгливую фиоритуру, петух сильнее царапал Вениamina и с озлоблением кукарекал, так что потом у него долго клокотало в горле.

Вениамин живого места на себе не чувствовал и долгое время лежал в забытьи: шутка ли, что ему пришлось претерпеть — страх, голод, холод и сырость. Ему казалось, что турок полонил его в пустыне и везет продавать куда-то в рабство. «Хоть бы продал меня еврею, — думал Вениамин, — тогда бы я еще мог кое-как душу спасти! Но что, если он меня продаст

какому-нибудь принцу или, упаси бог, принцессе из иноплеменных, — тогда я пропал, погиб навеки! Тут ему припомнилось сказание о Иосифе Прекрасном и коварной жене Потифара¹. И он тяжело застонал от горя.

Крестьянин, услышав стон, обернулся и, придвинувшись поближе к Вениамину, спросил:

— Ну, що, трошки легше?

В голове у Вениamina действительно немного прояснилось, и он вспомнил все, что с ним произошло. Однако он чувствовал себя прескверно — и слова поукраински сказать не умел. «Как же быть? Как ответить крестьянину, как столкнуться с ним, чтобы узнать, куда он его везет?»

Вениамин попытался сесть, но не смог, — сильно ломило в ногах.

— Тобі трошки легше? — снова спросил крестьянин и единым духом выпалил: — Цоб! Гайда! Цоб!

— Легше. Только... Ай-ай-ай! — отвечал Вениамин, указав на свои ноги.

— Звідки ти?

— Звідки я? — переспросил нараспев Вениамин. — Я Нёмко, Бінёмко ув Тунейдовки!

— Ти з Тунейдовки? Кажі, що ти витаравив на мене очі і дивився як шалений? Але, може, ти таки шалений? Трясьця твоєї матері!.. Цоб! Гайда! Цоб!

— Я зразу тобі казати... Я — Нёмко ув Тунейдовки! — ответил ему Вениамин, сделав при этом жало-

¹ Согласно библейскому рассказу, сын Иакова Иосиф (Прекрасный), проданный братьями в рабство, попал в услужение к египетскому вельможе Потифару, жена которого предлагала Иосифу свою любовь.

стливое лицо и какой-то неопределенный жест. — Ув Тунейдовки жінка... тобі дам чарку водки и шабашковой булки и добре данкует тебе.

Крестьянин, видимо, сообразил, о чем идет речь.

— Добре! — И, сев на свое место, крикнул волам: — Цоб! Гайда!

Часа два спустя воз въехал в Тунейдовку и остановился на базарной площади. Навстречу ему бросились мужчины и женщины с расспросами:

— Чуєш, скільки хочеш за півень? За цибулі?..

— Може, маєш картоплі, яйця? — спрашивает один.

Кто-то из налетевших полюбопытствовал:

— Чуєш, може, ти бачив на дорозі жидка? У нас один чоловік вчора пропав, як у воду!

Не успел еще крестьянин ответить каждому в отдельности, как женщины саранчой налетели на подводу и, приподняв тулуп, заголосили:

— Вениамин! Он здесь! Ципе-Крейна! Басшеве-Брайндл! Бегите скорее к Зелде с доброй вестью, сообщите, что пропажа отыскалась! Не придется ей покинутой женой жизнь коротать!

Поднялся шум; народ сбегался со всех сторон. Вся Тунейдовка ходуном ходила, стар и мал бежали посмотреть на Вениamina. Его расспрашивали, о нем толковали, острили. Рассказывали, что весь вчерашний день и всю ночь его повсюду искали, рыскали и порешили уже считать погибшим, а жену горемычной вдовой.

Прибежала с плачем жена Вениamina. Она ломала руки, глядя на своего мертвенно-бледного, лежащего без движения супруга. Она, бедная, и сама не знала, что делать: то ли проклинать его, выместить на нем

всю свою злобу, то ли радоваться тому, что бог избавил ее от горестного вдовства.

Спустя несколько минут Вениamina, все так же лежавшего на мешке с картофелем, торжественно повезли через базар домой. Тунейдовцы от мала до велика — упрашивать никого не пришлось — щедро воздавали ему почести, провожая шумно и возглашая: «Свят! Свят! Свят!..»

С тех пор прозвища «святой», «подвижник» так и остались за Вениamiном. Его величали «Вениамин-подвижник», а жену его — «Зелда-покинутая».

В тот же день тунейдовский эскулап посетил Вениamina и принялся спасать его всеми доступными средствами и способами. Он поставил ему банки, пиявки, побрил его наголо и перед уходом заявил, что от всего этого Вениамин с божьей помощью придет в себя и уже завтра, если хватит сил, сможет пойти в сынагогу, чтобы вознести благодарственную молитву.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О том, как Вениамин спелся с Сендерлом-бабой

История, приключившаяся с Вениамином, причинившая столько огорчений его жене, возбуждавшая так много толков и пересудов в синагоге за печкой и в бане на верхнем полке, должна была, казалось бы, навеки вышибить из головы Вениамина мысль о путешествии в дальние края. На деле же это событие возымело обратное действие: Вениамин еще более укрепился в своей заветной мечте. С этой поры он стал относиться к своей особе с уважением, как к человеку бывалому, выдавшему виды; он стал высоко ценить свою храбрость, твердость, с которой он перенес столько тяжких испытаний и переборол в конце концов свою натуру. Он возомнил себя богатырем, зна-

210

Зелде по наследству от родителей. Она начищала их до блеска и по пятницам любовалась ими, когда произносила молитву над свечами... Драгоценностей у нее не было, если не считать оставшегося от материнского головного убора серебряного ободочка с жемчужиной. Ободок этот был у нее всегда под замком, и лишь в особо торжественных случаях Зелда надевала его. Продать что-либо из его собственных вещей? Но у него всего-то один субботний атласный кафтан, да и тот посеялся, порвался и спереди и сзади, так что виднеется желтая подкладка. Была у него, правда, еще шубейка, но низ у нее весь обтрепался, а ворот ничем не покрыт. Когда Вениамин женился, отец его — добром будь помянут! — велел не скупиться, скроить воротник подлиннее и обшить его временно куском подкладки, оставшимся от кафтана, с тем чтобы впоследствии, когда будет получен остаток приданого, покрыть воротник беличьим мехом. Однако недоданной части приданого он так и не получил, и воротник остался непокрытым и по сей день.

Во-вторых, Вениамин не знал, как ему вырваться из дому.

Потолковать о путешествии с женой, открыться ей? Рассказать все, как есть? Упаси бог! Поднимется такой шум, такой скандал! Она его заживо станет оплакивать, сочтет помешанным, ибо где уж ей, женщине, постичь такие дела? Женщина, будь она хоть семи пядей во лбу, все-таки всего только женщина. Даже наиболее смышленной и благоразумной из них никак не сравнятся с самым ничтожным мужчиной!

Уйти тайком, не попрощавшись? Тоже как-то неловко. Что же? Остаться дома, отказаться от пу-

212

током всех премудростей, таящихся в «Отображении мира», человеком, начитавшимся сверх всякой меры подобных книг и осведомленным во всех мирских делах и событиях. Он с сожалением думал о себе: человек, наделенный такими достоинствами, гложет, словно роза среди терниев — и где? — в Тунейдовке, в захолустье, среди грубых и невежественных людей! Людские пересуды и отпускавшиеся по его адресу остроты только еще сильнее гнали его в путь-дорогу. Ему хотелось как можно скорее покинуть Тунейдовку. «Как бы скорей дожить до того момента, — думал он, — когда можно будет отправиться туда, вдаль, а потом благополучно вернуться с благими вестями об избавлении своих братьев, вернуться с почетом и добрым именем! Вот тогда-то Тунейдовка от мала до велика узнает и поймет, что представляет собою Вениамин!..»

Удерживали его пока от путешествия лишь кое-какие незначительные обстоятельства: во-первых, откуда взять денег на расходы? Сам он никогда и гроша ломаного за душой не имел. Он постоянно торчал в синагоге, а кормильцем в семье была супруга, женщина бойкая, добывавшая средства к существованию торговлей в небольшом трактирчике, который она открыла, после того как оставила родительский дом. Но чего стоила вся эта торговля! Если бы она к тому же не вязала чулок, не ощипывала зимними вечерами перья, не топила бы на продажу гусиный жир, не скупала бы кое-чего иной раз в базарный день по дешевке у знакомых крестьян, семье нечем было бы прокормиться.

Продать что-нибудь из домашних вещей? Но что у них было? Пара медных подсвечников, оставшихся

211

211

тешества? Но это попросту невозможно! Это все равно что отказаться от жизни.

Мысль о путешествии поглотила Вениамина. Подобно тому как правоверный еврей обязан трижды в день молиться, Вениамин считал своим долгом постоянно думать о путешествии. Думы об этом не покидали его даже во сне: путешествие снилось ему непрестанно. Сердце, глаза и уши Вениамина, — все его существо было захвачено мечтой о дальних странствиях. Он ничего и никого не замечал вокруг себя: мысль его витала где-то там, далеко-далеко, в запретных краях. И часто в разговоре с кем-либо Вениамин не к месту вдруг приплетал Индию, Самбатъен¹, Гремучего змея, дракона, рожки, турка и т. п.

Путешествие должно было свершиться во что бы то ни стало! Но как преодолеть препятствия? Этого Вениамин никак не мог придумать. Он чувствовал, что необходимо с кем-нибудь посоветоваться.

...Жил в Тунейдовке некий муж. Звали его Сендерл, по имени прадеда реб Сендерла, человека почтенного. Однако правнук Сендерл был человек простецкий, без затей. В синагоге он занимал место под амвоном, а это уже само по себе свидетельствует о том, что ни к заправялам, ни к сливкам тунейдовского общества он не принадлежал. К разговорам в синагоге или в другом месте он обычно прислушивался молча, как человек посторонний, случайный. А если и приводилось ему словом обмолвиться, то слово это всегда вызывало хохот, — не потому, что оно отличалось особым остроумием, — нет! Просто слово,

¹ Самбатъен — в древней и средневековой еврейской литературе — сказочная река.

213

признанное Сендерлом, встречали смехом, несмотря на то что он, по простоте своей душевной, никого не собирався смешить. Наоборот, когда кругом смеялись, он, бывало, уставится и никак в толк не возьмет, по какому случаю такое веселье? Он не обижался, потому что по натуре был человек добрый, покладистый: попадаетея иной раз этакая покорная буренка... Он даже не подозревал, что следует обижаться. Люди смеются? Пускай себе, на здоровье! Вероятно, это доставляет им удовольствие.

Нужно, однако, признать, что в словах Сендерла таилось подчас много здравого смысла, хоть он и сам об этом не догадывался, говорил просто так, без задней мысли. Над ним любили подтрунивать. Мальчишки в день Девятого аба, бывало, забрасывали его колючками репейника; в день Хошайно рабо¹, когда всю ночь бодрствуют, в него больше, чем в других, швыряли подушками. Зато при угощении водкой и гречневым коржом его постоянно обделяли.

Словом, всегда и везде Сендерл бывал козлом отпущения. Его так и прозвали: «Сендерл — козел отпущения». Сендерл по натуре своей не был упрямец, как некоторые другие. Он всегда со всеми соглашался, не вступал в пререкания с теми, кто навязывал ему свою волю, никогда никому не перечил и просто-напросто делал то, что прикажут.

— Мне-то что? — говорил он, по своему обыкновению. — Эка важность, подумаешь! Тебе непременно хочется так? Ну что ж, пусть будет по-твоему.

С мальчишками Сендерл был мальчишкой. Он ча-

¹ Хошайно рабо — седьмой день осеннего еврейского праздника Куши.

Когда предстал Вениамин пред очами друга своего, Сендерл восседал на кухонной скамье, для приготовления молочной пищи предназначенной, и снимал кожуру с яблока земляного, сиречь картофеля. Одна щека у него пылала, а под глазом багровел кровоподтек, да еще с царапиной, точно по синяку ногтем провела. Унылый и пришибленный, сидел он подобно молодухе, покинутой мужем, получившей от мужа затрещину...

Жены Сендерла не было дома.

— Здравствуй, Сендерл! Что это ты, сердце, так пригорюнился? — сказал Вениамин и указал пальцем на его щеку. — Что, снова она? Где она, твоя молодлица?

— На базаре.

— Очень хорошо! — чуть не вскрикнул от радости Вениамин. — Брось, дорогой, свою картошку и пойдем со мной туда — в каморку. Там никого нет? Я хочу поговорить с тобой наедине, без свидетелей, хочу тебе душу открыть. Не могу больше сдерживаться, — кровь кипит во мне. Скорей же, сердце, скорее, а то «кона», чего доброго, нагрянет и помешает.

— Ну, что ж, если тебе так же терпится, пусть будет по-твоему. А мне-то что! — ответил Сендерл и вошел в каморку.

— Сендерл! — начал Вениамин. — Скажи мне, знаешь ли ты, что находится по ту сторону Тунейдовки?

— Знаю. Там находится корчма, где можно иной раз хватить добрую рюмку водки.

— Ты глупый! А дальше, гораздо дальше?

— Дальше корчмы? — удивился Сендерл. — Нет, дальше ее я ничего не знаю. А ты, Вениамин, знаешь?

— Знаю ли я? Что за вопрос! Конечно! Там толь-

сто гулял вместе с ними, беседовал, затевал игры, и это доставляло ему большое удовольствие. С детьми Сендерл и вовсе уподоблялся покорной коровке, позволяющей ездить на себе верхом и почесывать ей морду. Озорники взбирались к нему на плечи, теребили бороду.

Иной раз посторонние покрикивали на мальчишек: — Как вы смеете, сорванцы!.. Уважать нужно старшего! Что это вы его за бороду таскаете?

— Ничего, ничего! — отзывался Сендерл. — А мне-то что! Подумаешь, беда какая... Пускай таскают!..

Жизнь в своем доме Сендерлу тоже была не мед. Тут верховодила жена, и участь мужа была незавидна. Жена держала его в черном теле, в страхе, иной раз и тумачком угошала, а он все это принимал с покорностью и смирением. Накануне праздников она повязывала ему бороду тряпкой и заставляла белить стены. Он чистил картошку, раскатывал и крошил лапшу, фаршировал рыбу, таскал дрова и топил печь, — совсем как жекщина. Вот его и прозвали «Сендерл-баба».

Вот этого-то Сендерла-бабу наш Вениамин и избрал своим наперником и советчиком. Почему именно его? А потому, что Вениамин всегда питал к нему симпатию. Многое в этом человеке ему нравилось, во многом он соглашался с ним, а беседа с Сендерлом обычно доставляла Вениамину большое удовольствие. Возможно, что Вениамин рассчитывал и на покладистость своего друга: Сендерл безусловно одобрит все его планы и ни в чем не станет ему перечить. Если же Сендерл и будет возражать против кое-каких пунктов, Вениамин с божьей помощью и силой своего красноречия сумеет склонить его на свою сторону...

ко и начинается мир! — горячо проговорил Вениамин, словно Колумб, когда открыл Америку.

— Что же там такое?

— О, там... там... — разгорячился Вениамин. — Там... Гремучий Змей... Дракон!..

— Тот самый дракон, с помощью которого царь Соломон дробил камни для священного храма? — несмело вставил свое слово Сендерл.

— Да, душа моя, да! Там — страна Израиля, там заветные места. Хотелось бы тебе там побывать?

— А тебе хотелось бы?

— Вопрос! Хочу, Сендерл, хочу и вскоре буду там!

— Завидую тебе, Вениамин! Ну, и наешься же ты властью рожков и фиников! Го-го!

— И ты, Сендерл, сможешь есть то же, что и я. И тебе в стране Израиля причитается такая же доля, как и мне.

— Доля, может быть, и причитается, да как туда попасть? Ведь там султан хозяйничает...

— Есть одно средство, Сендерл. Скажи мне, дорогой, знаешь ли ты что-нибудь о красноликих израильтянах?

— Наслушался я разных историй о них у нас в молельне за печкой, но где они живут и как до них добраться, этого я не знаю. Если бы знал, сообщил бы, конечно, и тебе. Жалко, что ли? Пожалуйста!

— Хе-хе! А вот я знаю! — с гордостью сказал Вениамин и достал из кармана «Достопримечательности Иерусалима». — Видишь, что тут написано? Сейчас прочту:

«По прибытии моем в Бейрут, — говорится здесь, — я встретил четырех евреев из Вавилона. Я беседовал

с одним из них, по имени реб Мойше, понимавшим по-древнееврейски. Он сообщил мне весьма правдивые сведения о реке Самбатъен, которые он получил от измаильтян, видевших эту реку, рассказал также о том, что там имеются потомки Моисеевы...»

И дальше говорит он: «Местный вождь рассказывал мне, что лет тридцать тому назад у него гостил человек из колена Симеонова, и тот говорил, что в его краях живут четыре колена Израилевых. Одно из них — колена Исахорова — посвятило себя изучению торы, а властвует над ними царь из того же колена».

Кроме того, в книге «Путешествия Вениамина» сказано буквально следующее: «Оттуда двадцать дней пути до гор Нисбон, что на реке Гозан. В горах Нисбон проживают четыре колена — Даново, Зовулоново, Асирово и Нефталимово. У них в горах расположены крупные города и государства. С одной стороны их омывает река Гозан. Они никому не подвластны. Лишь один правитель над ними — царь по имени рабби Иосиф Амаркело Галеви. И состоят они в союзе с Койфер-ал-Турехом¹. Немало рассказывается там и о сынах Рехавитов² из страны Темоновой, которые подчиняются царю израильскому и постоянно постятся и молят бога за евреев, пребывающих в изгнании».

— Ну, Сендерл! Как ты думаешь, что было бы, если бы они вдруг увидели меня, брата своего Вениамина из Тунейдовки, прибывшего к ним в гости? Скажи, прошу тебя, что ты об этом думаешь?

¹ Койфер-ал-Турех — арабское племя.

² Рехавиты — племя, которое упоминается в Библии.

это ни к чему. В дорогу лучше отправиться в старом, а там мы, надо полагать, достанем новое платье.

— Это верно! Там у меня забот уже не будет. Но пока что нам нужны ведь кое-какие деньги хотя бы на еду.

— Что значит, Вениамин, на еду? Ты намереваешься возить за собой кухню? Разве не будет по пути ни постоялых дворов, ни жилых домов?

— Не понимаю, Сендерл, о чем ты говоришь? — в недоумении спросил Вениамин.

— Я говорю, — спокойно ответил Сендерл, — были бы на пути дома: можно ведь заодно и по домам ходить! А чем занимаются все наши евреи? Сегодня одни просят у других, а завтра те побираются у них. Дело это нашему брату привычное: попросту одолжение...

— Честное слово, ты прав! — обрадовался Вениамин. — Теперь для меня все прояснилось! В таком случае я совершенно готов и обеспечен всем необходимым. Завтра же на рассвете, когда все будут спать, мы можем уйти. Жалко время терять. Согласен, Сендерл?

— Хочешь — завтра? Пускай будет завтра. Не все ли мне равно?

— Завтра пораньше, слышишь, Сендерл! Я потихоньку выйду из дому и буду ждать тебя возле заброшенного ветряка. Помни же, Сендерл: завтра на рассвете ты придешь туда. Не забудь! — еще раз повторил Вениамин, собираясь уходить.

— погоди-ка, Вениамин, погоди минуточку! — сказал Сендерл, копаясь в боковом кармане тельника. Он вытащил оттуда какой-то пропотевший сверток, обмотанный со всех сторон шнурками, завязан-

— Они бы, конечно, просто ожили! Шутка ли, такой гость, такой желанный гость! Каждый приглашал бы тебя к себе на трапезу. Даже сам царь Амаркело! Передай им от меня хотя бы самый сердечный привет! Если бы только было можно, я бы, право, отправился туда вместе с тобой!

— А! — воскликнул Вениамин, вспыхнув от неожиданно осенившей его мысли. — А! А может быть, и в самом деле, Сендерл, нам вместе отправиться в путешествие? Глупенький, ведь сейчас тебе удобнее всего это сделать. Я все равно туда направлюсь, вот я и возьму тебя с собой! Глупенький, вдвоем-то ведь веселее! Да и мало ли что, а вдруг я там королем стану, — тогда ты у меня правой рукой сделаешься. Вот тебе мое честное слово! С какой стати ты, чудак этакий, будешь тут терпеть унижения от твоей разбойницы! Погляди, какая у тебя щека! Подумай, какая горькая, несчастная доля досталась тебе! Право же, Сендерл, пойдем! Не пожалеешь!

— Ну что ж, — ответил Сендерл, — если тебе непременно так хочется, пусть будет по-твоему. А что касается «ее», так не все ли мне равно? Дурак я, что ли, рассказывать, куда я собираюсь..

— Душа моя! Дай я тебя расцелую! — радостно воскликнул Вениамин и, не будучи в силах сдержать свои чувства, обнял Сендерла-бабу. — Ведь ты одним своим словом помог мне разрешить такой трудный вопрос! Скажу теперь так же, как и ты: «А что до «нее» (я разумею свою жену), так не все ли мне равно? Есть, однако, еще одна заминка: где взять денег на расходы?

— На расходы? Ты хочешь приодеться, Вениамин, или перелицевать свой кафтан? А я бы сказал, что

ными чуть ли не двадцатью узлами. — Видишь, Вениамин, вот это я успел накопить тайком от жены с самого дня нашей свадьбы. Пригодится на первых порах, не правда ли?

— Ну, сердце, тебя и расцеловать мало! — воскликнул Вениамин и горячо обнял Сендерла-бабу.

— Ах, чтоб ты провалился! Полюбуйтесь, любовь какая горячая! Обнимаются как! А там в комнате коза картошку жрет! — раздался вдруг громкий голос супруги Сендерла. Пылая гневом, она одной рукой указывала на козу, а другой подзывала к себе мужа... Понурился Сендерл медленно, шаг за шагом, подвигался к ней, как нашаливший ребенок, которого ждет наказание.

— Крепись, душа моя! Уж это в последний раз! Помни же, завтра... — шепнул Вениамин своему другу на ухо и бесшумно, по-кошачьи, выбрался из дома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вениамин и Сендерл покидают Тунейдовку

На следующий день рано утром, еще до того, как пастух погнал коров в стадо, наш Вениамин уже стоял наготове возле ветряка с узелком под мышкой. В узелке были все необходимые в дороге вещи: талес, филактерии, молитвенник, псалтырь, а также те книги, без которых Вениамин не мог двинуться в путь, как мастер без инструмента. Там же лежал его субботний кафтан: надо как-никак соблюдать приличия, не ходить же на людях в будничном платье! В кармане у него было без малого пятнадцать грошей, которые он утащил у жены из-под подушки.

Одним словом, он был, благодарение богу, обеспечен всем необходимым и мог немедленно двинуться в путь.

222

живут только надеждой, и господь не оставляет их своей милостью!

Как-то по-особому хорошо было на душе у Вениамина, так что уста его сами раскрылись и, умиленный, он запел фальцетом один из торжественных гимнов всевышнему. Его пение слилось с щебетанием птиц, с жужжанием и стрекотом насекомых и в гармоническом сочетании вознеслось в глубь небес, к трону господню.

Однако прошло уже довольно много времени, а Сендерла все еще не было. Это начало беспокоить Вениамина, омрачать его радость. Он оглядывался по сторонам, смотрел во все глаза, — напрасно! Не слышать, не видеть. Нет Сендерла!

Уж не заставила ли его «эта ведьма» заняться какой-либо работой? Но для этого еще слишком рано. Вся Тунейдовка еще спит крепким сном. Картошку начнут чистить гораздо позднее, а за обед хозяйки принимаются лишь после того, как основательно поругают и проклянут своих мужей, выпорют ребят и вывесят на просушку бебехи...

Вениамин не знал, что делать. Ему становилось невесело, очень невесело. Вернуться домой? Позор! Александр Македонский уничтожил за собою мост, по которому прошел в Индию, чтобы нельзя было повернуть обратно. Двинуться одному, без Сендерла? Нет, это нехорошо, этого он не сделает! Сендерл был ему очень нужен. С тех пор как они заключили союз, у Вениамина на душе посветлело. Уйти без Сендерла казалось Вениамину дикостью: ведь это все равно что оставить корабль без руля или государство без министра.

224

Тем временем взошло солнце и обратило ясный лик свой к миру. Один взгляд его вселял бодрость и радовал все сущее на земле. Деревья и травы точно улыбались сквозь капли невысохшей предутренней росы, — так маленькие дети, завидев блестящую игрушку, забывают о своем горе и раздражаются веселым смехом, хотя на глазах у них еще сверкают крупные слезы. Полевые птички носились в воздухе, кружили над Вениамином, щебетали, будто хотели сказать: «Давайте будем петь, фрикать и радовать этого почтенного путника у ветряной мельницы! Ведь это сам Вениамин, Вениамин Тунейдовский — Александр Македонский своего времени! Он покидает свою родину, бросает жену свою и детей своих и отправляется по божьему велению куда глаза глядят! Вот он стоит, великий Вениамин, подобно солнцу, покинувшему свой шатер, подобно богатырю — готовый мчаться в дальний путь с узелком в руках! Он силен, как леопард, он легок, как орел, он готов исполнить волю отца нашего небесного! Так пойте же, играйте. «Три-ли-ли-ли! Трриль! Трриль!.. Пойте и наполните радостью сердце его!..»

У Вениамина и в самом деле ликовала душа. Он думал: «Ведь я счастливейший человек на свете! Ну чего мне не хватает, не сглазить бы? Жену свою я, слава богу, обеспечил: заработок у нее есть. Сам я — вольная птица, подобно этим вот полевым пичугам. Весь мир передо мною открыт. С моей опытностью, с моей решимостью да с кое-какими познаниями в разных областях я авось нигде не пропаду. А к тому же я еврей, человек, не теряющий надежды. Ведь, помимо всяческих достоинств, — мало ли евреев весь свой век

223

Но вот вдалеке показалось нечто вроде человеческой фигуры. Как будто Сендерл, а впрочем... Нет, не Сендерл! Кто-то, кажется, в ситцевой юбке, с платком на голове...

У Вениамина что-то оборвалось в груди, он обмер, побелел как полотно. Ему показалось, что идет жена! Нет, не идет, — бежит, несется... Сейчас примчится, налетит на него, выместит на нем все, что накопело на душе, и с воплями потащит домой.

«Одному богу известно, — рассказывает сам Вениамин, — что пережил я в эти минуты. Сотню гремучих змеев предпочел бы я тогда встрече со своей женой, ибо гремучий змей жалит только тело, а разгневанная жена на душу грызет!.. Однако господь бог укрепил мой дух, и я, воодушевившись, убежал и спрятался за мельницей, притаился подобно льву, выжидающему свою добычу».

Спустя несколько минут Вениамин выскочил из своей засады, сделал отчаянный прыжок и крикнул, как буйно помешанный:

— Ба! Сендерл!

Сендерл был одет в ситцевый халат и повязан грязным платком. Под глазами у него лиловели «фонари» и царапины, в руках была палка, а за плечами — увесистый узел.

Вениамину он показался в этот миг прекрасным, как разодетая красавица невеста жениху.

Радость свою Вениамин описывает следующим образом:

«Подобно изнемогающей от жажды лани, подобно жаждущему путнику в пустыне, нежданно обнаружившему источник живительной влаги, низвергающийся с вершины скалы, возликовал я всем существом своим

15 Менделе Мойхер-Сфорим

225

страждущим, увидав Сендерла, ниспосланного мне небом преданного друга моего»,

— Что случилось, Сендерл? Почему ты заставил меня так долго ждать?

— Помилуй,— наивно ответил Сендерл,— ведь я ходил к тебе домой... Пока дошел, пока разбудил твою Зелду, прошло много времени.

— Разбудил Зелду?! — не своим голосом крикнул Вениамин.— Сендерл, ты рехнулся! Зачем ты это сделал?

— Как зачем? — удивился Сендерл.— Я постучал к тебе в окно каморки,— ты не отозвался. Тогда я принялся стучать в дверь дома. Ну, и вот... Выскочила Зелда ни жива ни мертва, и я спросил у нее, где ты.

— Мы пропали, Сендерл! Ну и заварил ты кашу! Пойми ты, ведь Зелда пустится вдогонку, она...

— Не пугайся, Вениамин! Она прогнала меня ко всем чертям с такой злостью, точно я ее резать собрался. «Провались ты вместе с моим муженьком!» — прокричала она и захлопнула дверь. Я долго стоял на улице как очумелый. Потом вдруг вспомнил про ветряк и догадался, что ты уже, наверное, здесь. Потому-то она, видимо, и разбушевалась. «Провалитесь, говорит, вместе сквозь землю!» Надо полагать, она заметила, как ты уходил...

— Что? Что, Сендерл? Она заметила? Может быть, она идет следом, может, она уже идет сюда?

— Упаси бог, Вениамин! Она закрыла дверь на крючок. Перед самым уходом я еще раз постучал и спросил: «Зелда, что передать твоему мужу? Может, надумаешь передать ему что-нибудь?» Но она ни слова не ответила. Видать, крепкий сон у нее, не сглазить бы, здорово спит! Тогда я добавил: «Зелда, ты спишь?»

226

Ну и спи себе на здоровье! Всего тебе хорошего!» И ушел.

Последние слова, как целебные капли, привели Вениамина в чувство. Он вздохнул свободно, словно камень у него с души свалился. Лицо просияло, глаза зажглись великой радостью.

— Теперь, Сендерл,— как-то дико взвизгнул он,— теперь правой ногой вперед!

В это время из соседней лужицы донеслось кваканье лягушек. Они словно прощались с нашими путешественниками и проквакали в их честь торжественный марш. Тунеядовские жабы как-то особенно голючисто кричат в своих затянутых плесенью болотах и славятся на весь мир наравне с днепровскими клопами и тараканами...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Что произошло с нашими путешественниками на первых порах

Наши путники дружно снялись с места и пустились чуть ли не бегом, точно с цепи сорвались, точно погоняли их сзади кнутом. С развевающимися по ветру полами своих кафтанов они могли бы сравнить себя с кораблями, несущимися по морю на всех парусах. Кондукторы пресловутых дилижансов в наших краях могли бы пожелать своим клячам такую прыть: бегать бы им не хуже наших пешеходов! Сороки и вороны, разгуливавшие по земле, почтительно уступали им дорогу и с криком разлетались в разные стороны,

228

до смерти напуганные странными двуногими существами, так энергично и стремительно шагавшими.

Никакое перо не в состоянии описать, как счастливы и довольны были наши герои. Безотчетная радость наполняла их сердца, они были довольны, сверх всякой меры довольны — собой, довольны друг другом, довольны всем миром.

Сендерл, видать, был очень рад, что вырвался из рук жены и избавился от столь тяжкого и горестного плена. Особенно досталось ему вчера; это был мрачный, безрадостный день, день мук и испытаний, оставивший по себе багровые следы на его теле, вырвавший с корнем немало волос из его бороды, бесстыдно расписавшийся иссиня-красными отметинами под обоими его глазами. Не про вас будь сказано, мужа подбашмачные, то, что досталось бедному Сендерлу от его благоверной!

Наши герои довольно долго бежали, еле переводя дух, молча, не произнося ни слова. Они распарились, крупные капли пота выступили у них на лицах. Сендерл стал понемногу отставать и сопел, как гусь.

— Скорее, скорее, Сендерл! — подбадривал Вениамин и неустанно неся вперед, точно богатырь, препоясавший чресла свои и ринувшийся в бой с луком и стрелами в руках.

— Ради бога, Вениамин, душу мою пожалей! — взмолился Сендерл.— Сил моих больше нет гнаться за тобой! Ты бегаешь, не сглазить бы, как олень по горам, как козел впереди стада.

— Быстрее, быстрее, Сендерл! — не унимался Вениамин и бежал вперед, гордый своей прытью.— Видишь, Сендерл, я готов бежать и бежать, хоть на самый край света!

229

— Но к чему, скажи на милость, так торопиться? — спросил Сендерл. — Уверю тебя, что мы не опоздаем. Если же и прибудем туда на день или даже на несколько дней позже, тоже беда невелика! До светопреставления еще далеко. Земля, как я слышал, продержится до седьмого тысячелетия, еще добрых несколько веков...

— Скорее, скорее, Сендерл, жаль время терять! Чем скорее мы выберемся из этих мест, тем лучше! Потрудись, Сендерл, постарайся! Ничего! Зато, когда прибудем на место, ты разомнешь косточки, будешь вольно дышать и жить как вельможа!

— Ты, конечно, прав, Вениамин. Тебе хочется поскорее, пусть будет по-твоему. Я не спорю. Но что делаешь с ногами, с моими ногами?

Вениамину пришлось уступить и немного замедлить шаг.

Когда солнце вышло из своего шатра и стало сильно припекать, наши усталые странники свалились возле роши, в стороне от дороги. Они взмокли, тяжело дышали и никак не могли прийти в себя. Свежие сныки на лице у Сендерла разопрели от зноя и причиняли мучительную боль, точно его иголки кололи.

Передохнув, Вениамин и Сендерл первым делом достали свои талесы и филактерии и принялись за молитву. Вениамин молился горячо и при этом истово раскачивался. Ему бы следовало после этого рюмочку поднести, да где уж там было думать о таких вещах! Хоть бы хлеба кусок! Голод давал себя знать, аппетит от ходьбы разыгрался не на шутку. Вениамин готов был вола съесть, а тут, как назло, ни крошки хлеба.

Вениамин озирался по сторонам, хрустел пальца-

ми, зевал, почесывался, причмокивал языком, приговаривал: «Та-та!» — теребил пейсы и бородку, снова почесывался, снова издавал какие-то нечленораздельные звуки... Наконец надумал: извлек из узелка небольшую книжицу, стал заглядывать в нее и что-то бормотать нараспев.

— Сендерл! — прервал он вдруг молчание. — А знаешь ли ты, что я читаю? Знаешь ли ты, почему я это читаю нараспев?

— Ты, верно, голоден! — простодушно высказал предположение Сендерл.

— Тоже сказал! — ответил Вениамин. — А если и голоден, — что из того?

— То-то и оно! Оттого и запел! — сказал Сендерл. — Есть такая поговорка: «Коли жид співає? Коли він голодний...» Ты, Вениамин, пой, если тебе так нравится, пой себе, а я тем временем займусь кое-чем другим.

Сендерл сунул руку в свой узел и вытащил оттуда торбу.

— Нет, не знаешь ты, не понимаешь, Сендерл, почему я это делаю, — снова сказал Вениамин. — Сейчас объясню тебе, глупенький, в чем тут смысл.

Но Сендерл был занят своим делом: он не спеша развязывал торбу. Вениамин заглянул в нее и почувствовал, как тепло разливается по всему его телу. В торбе было полным-полно всякого добра: огрызки хлеба, куски субботнего пирога, огурцы, редиска, лук и чеснок! Сендерл, совсем как добрая хозяйка, предусмотрительно наготовил всего и еще больше прежнего вырос в глазах Вениамина. Он радовался в душе, что всевышний послал ему такого прекрасного спутника. «Господь послал мне Сендерла, — думал он, —

так же, как посылал манну небесную¹ сынам Израиля в пустыне».

После того как они подкрепились, Сендерл сложил остатки пищи в торбу и сказал:

— Этого нам хватит еще на раз, а торба пригодится на тысячу раз, на всю нашу жизнь. С нею мы, даст бог, будем по миру ходить. Ничего! Господь бог не без милости!

Сказочную скатерть-самобранку, которая по первому велению сама на стол собирает, нам, евреям, заменяет торба. Много, очень много людей всю свою жизнь удивительно легко кормятся при помощи торбы и оставляют ее в наследство своим детям, внукам и правнукам. Торба по сути дела всюю одна и та же, но у людей разных классов она обретает разное обличье и название. У простого люда это — обыкновенная торба, холщовый мешок, у людей высокопоставленных — это кубышка, всяческие общинные поборы, священнослужительство, благодетельство за чужой счет, благотворительная кружка, мирские денежки, ссудная касса, сочинительская болтовня и тому подобное. Но все это на самом деле только торбы, настоящие еврейские торбы...

— Сендерл! — сказал Вениамин, воодушевленный его словами. — Знаешь, само небо сочтало нас! Мы с тобою словно тело и душа. Ты заботишься о земном — о пище и питье на время нашего путешествия, а я — о духовном. Еще раз спрашиваю, знаешь ли ты, для чего я сейчас читаю молитвы? Я это делаю с умыслом. Когда мы с божьей помощью достигнем це-

¹ Манна небесная — согласно библейскому мифу, пища, падавшая с неба для израильтян во время их странствования в пустыне.

ли, нам нужно будет суметь сговориться с Моисеевыми потомками. Этим я озабочен. А говорят они не по-нашему. У них язык такой, каким написаны эти молитвы. Сам Эльдад Гадони, который прибыл к нам однажды из тех краев, сочинил эту молитву. Запомни, Сендерл! Здесь, в наших краях, можно объясняться на нашем языке, но там его, пожалуй, не поймут.

— В этих делах я целиком полагаюсь на тебя! — покорно ответил Сендерл. — Ты человек ученый, в книги свои заглядываешь и, верно, знаешь, что делаешь и куда идешь. Сам видишь, я даже не спрашивал тебя, идем ли мы правильным путем. Ты идешь, и я за тобой, как корова за теленком. Мне какое дело!..

Вениамина очень радовало, что Сендерл так крепко верит в его мудрость. Вениамин казался себе капитаном, самолично ведущим корабль по морю. Однако это не помешало ему тут же подумать, что он ведь и в самом деле не знает, где они находятся: возможно, что он заблудился или свернул с пути.

В это время на дороге показался крестьянин, сидевший на возу, доверху набитом сеном.

— Сендерл! — сказал Вениамин. — Не мешает все-таки спросить насчет дороги. Поди-ка на всякий случай спроси. С мужиками ты, пожалуй, лучше меня столкнешься. Тебя ведь твоя молодница частенько брала с собой на базар.

Сендерл поднялся с места и, подойдя к крестьянину, почтительно обратился к нему со следующими словами:

— Добрый день! Кажется, чоловіче, куды дорога на Эрец-Исраель?¹

¹ То есть в Палестину.

— Що? — с удивлением переспросил крестьянин, уставившись на Сендерла. — Який Сруль? Не бачив я Сруля!

— Ні, ні! — не выдержал Вениамин и вмешался в разговор. — Это вы Сруль... А він «Эрец-Исроел». Сендерл, скажи ему еще раз, ясней! Где ему понять? Ты пояснее, пояснее растолкуй ему, Сендерл!

— На Эр-р-рец Ис-ро-ел куды дорога? — четко повторил Сендерл.

— А пес вас знае, що ви морочите мені голову! Це дорога на Пьевки, а вони: «Элеслоэл! Элеслоэл!» — передразнил крестьянин и, сплюнув, поехал дальше.

Наши путешественники двинулись вперед. Ноги у Вениamina ныли, отказывались идти. Он не обращал на это внимания и подбадривал себя. Но идти прямо и быстро не мог и поэтому все время шел вприпрыжку. Конечно, это была уже не та ходьба, что раньше. Измученный, он все же шагал все вперед и вперед. Да и что ему еще оставалось? Лечь посреди дороги? А толку что? Да и как же это может еврей разлечься на дороге? Это только огорчило бы Сендерла и задержало бы путешествие. Словом, они шли долго, в течение всего дня, пока господь бог не привел их благополучно в Пьевки, где они и остановились на ночлег.

Войдя в корчму, Вениамин сразу же забрался в угол и вытянулся во всю длину: наконец-то можно было дух перевести и дать отдохнуть ногам.

Сендерл, как опытная хозяйка, пошел хлопотать по своей части — переговорить насчет ужина.

Корчмарь оглядел Сендерла с головы до ног и по его виду сразу же определил, что это не обычный по-

стоялец, каких тут часто видишь. Он приветствовал его по обычаю и тут же принялся расспрашивать, кто они такие, из каких мест. Сендерл скромно назвал свое имя и сказал, что он имеет кое-какое отношение к стране Израиля, что обслуживает реб Вениamina, того самого, который сейчас собственной персоной расположился вон там в углу. Корчмарь сделал набожное лицо, призадумался и попросил его присесть.

Оставим теперь «принцессу», сиречь Сендерла-бабу, беседующего с корчмарем, и обратимся к «принцу» — Вениамину, посмотрим, что с ним и что он подделывает.

Вениамин как повалился в угол, так и остался лежать камнем, едва ли что-нибудь соображая. Жилы на ногах у него вздулись, кровь в них стучала и пощипывала, точно стаи мурашек пробежали по телу и впились в него. В висках стучало точно молотками, в ушах гудело, и шум этот переходил вдруг в протяжный звон или прерывался оглушительным треском, как при взрыве ракеты. Тогда в глазах у Вениamina вспыхивали тысячи огней — желтых, зеленых, синих, фиолетовых, красных и всяких других цветов... Мгновение — и фейерверк гаснет, в глазах — сплошной мрак, а в ушах снова начинало гудеть, как на мельнице.

Лежа в полузабытьи, Вениамин вдруг слышит приближающийся звон бубенцов. С минуты на минуту звон нарастает, усиливается. Но вот раздается скрип, будто телега остановилась у ворот. Доносятся голоса: говорят фальцетом, фистулой, басом, хрипло, гнусаво, картаво, будто целое местечко собралось на важное совещание. Все говорят одновременно, кричат, — ни слова не разобрать. Когда иной раз на кры-

ше соберутся кошки, то слышишь по крайней мере, что они мяукают. И, не понимая кошачьего языка, можно все же сказать уверенно: да, это мяукают кошки. А на местечковом собрании ничего не разберешь — что за крик? Здесь смешались смех, стоны, вздохи, шепот и визг, озорной выкрик и сладкий, льстивый голосок, покашливание и сморкание, стук и хлопание... Вот и разберись, что все это вместе означает? Но тут распахнулись двери, и в дом с шумом ввалилась орава людей.

Вениамин забился подальше в угол и съежился.

В доме вдруг становится очень светло от множества свечей, воткнутых в субботние медные подсвечники. В некоторых подсвечниках отверстия забиты стеарином, и свечи в них еле держатся, в других отверстия широки и мелки, и свечи торчат в них криво, прижатые угольком.

У края длинного дубового стола сидят музыканты и настраивают инструменты. Скрипач возится со своей скрипкой, перебирает струны, а те отзываются каждая на свой лад: мы, мол, готовы, не было бы остановки за твоим смычком. И скрипач берется за смычок, проводит по нему рукой, держит его наготове. Флейтист тихо беседует с флейтой, она посвистывает в ответ. А цимбалист трогает струны, постукивает молоточками по цимбалам. И только слепой барабанщик сидит, надвинув шапку на глаза, и дремлет.

Возле музыкантов на скамье стоит какая-то фигура, каждое слово которой вызывает оглушительный хохот. Даже дети, которые толпятся у окна, смеются до упаду и пытаются подражать весельчаку. Но вот он выкрикивает:

— Итак, в честь именитых родственников, в честь хозяина, в честь всех собравшихся здесь — сыграйте «фрейлехс»!¹

И музыканты дружно принимаются за инструменты, а мужчины и женщины берутся за руки и пляшут в хороводе.

Все кругом пришло в движение, закружилось, завертелось; даже клопы и тараканы вылезли из щелей и расползлись по стенам.

Один из танцующих вдруг валится на Вениamina. Танцор пристально вглядывается в него и вскрикивает:

— Ага! Вениамин! Отыскалась-таки пропажа! Добрался я все-таки до него! Вон он где! Вот он!..

На крик сбегаются люди. Вениамин узнает среди них почтенных тунейдовских горожан и тамошнего раввина. И все в один голос кричат:

— Вениамин, идем плясать! Танцуй, Вениамин!

— Не могу! Честное слово! — умоляет Вениамин. — С места двинуться не могу!

— Ничего! Ничего! — отвечают ему. — Идем, говорят тебе, сможешь! Тут и уметь нечего! Двигайся, дурья голова! Погоди, мы о тебе еще порасскажем!

— Зелде? — вскрикивает Вениамин. — Умоляю вас, не рассказывайте Зелде!

— Поднимайся же, глупец! Становись на ноги!

— Сжальтесь, братья! — упрашивает Вениамин. — Право же, не могу я двинуться с места. Есть на то причина. Это тайна, которую я открою одному только раввину.

Вениамин обнимает раввина обеими руками, хочет

¹ «Фрейлехс» — еврейская народная танцевальная музыка.

шепнуть ему на ухо свою тайну, но в ту же минуту чувствует сильный удар в бок, от которого даже в нос шибает, как от крепкого хрена. От боли он бросается в сторону, протирает глаза и видит: в доме темно, луна заглядывает в окна, а он, Вениамин, лежит рядом с теленком и крепко обнимает его обеими руками.

Что тут творится? Откуда взялся теленок? Уж не отелился ли Вениамин? Но как же это может быть! Если даже допустить, что Вениамин осел, трижды осел, тысячу раз осел, то ведь он осел двуногий! Где же это слышано, чтобы двуногий осел отелился? Правда, у нас немало телок, и главным образом в весьма порядочных домах, но ведь это же телки в образе человеческого. Они в большинстве случаев очень милостивы, с хорошенькими личиками, с ямочками на щеках. Но теленок, которого обнимает Вениамин, — ведь это просто настоящий живой теленок. Откуда же, спрашивается, он взялся? Не иначе — с неба свалился! Чудеса в решете, да и только!

Нет, уважаемые, не верьте в небесных телят! Среди всех наших телят нет ни одного, ниспосланного небом. И вовсе это не чудо, как вам кажется. И нечему тут удивляться, и зря об этом толковать. Все это очень просто. Дело было так.

Когда Вениамин ни жив ни мертв свалился в угол, он от усталости и не заметил, что там лежит теленок. Постепенно кровь успокоилась и весело потекла по жилочкам. Вениамин уснул. И вот приснилась ему эта свадьба, гости, музыканты. Спал он беспокойно, ворочался, метался и забился в самый угол. А в тот момент, когда ему мерещилось, что он обнимает тунейдовского раввина, он на самом деле крепко обнял лежавшего в углу теленка и поведал ему тайну о своем

238

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наши путешественники дотащились до Тетеревки. Вениамин получает пощечину

Вениамин понемногу пришел в себя после ночного купания. Ушат холодной воды освежил его, и он почувствовал себя утром крепче и здоровее. Во вчерашнем приключении с теленком он усмотрел перст божий: ведь купание принесло ему исцеление от всех его болей и хворостей! Этот случай дал Вениамину повод показать Сендерлу, как несправедлив бывает грешный человек, сгущающий в тяжкую минуту на судьбу: не понимает он, что постигшее его несчастье ведет, быть может, к благополучию, а кажущееся зло — к добру. Все твари земные, даже скотина, мо-

путешествии. Теленок, однако, не оценил оказанного ему доверия и воспротивился ласкам. Выпростав ногу, он двинул Вениамина в бок и разбудил его.

Оглушенный и встревоженный, он некоторое время не выпускал теленка из своих объятий и, лишь опомнившись, оттолкнул его от себя и испуганно вскочил с места. Теленок, вырвавшись из чужих рук, тоже вскочил и пустился наутек, но столкнулся с Вениамином. Оба грохнулись и опрокинули огромный ушат с водой.

Перепуганные шумом, из соседней каморки выскочили Сендерл и корчмарь со свечой в руке. Взглянули — о, ужас! — Вениамин и теленок растянулись на земле и плавают в луже, издающей сомнительный аромат...

Если бы их обоих в этот момент увидел какой-нибудь стихоплет, он, наверное, воскликнул бы: «Нежно любящие! И в темном углу в луже они неразлучны!»

Но корчмарь и Сендерл были люди простые и стихов не сочиняли. Они тут же разлучили нежную пару: теленка отправили к матери, слегка поругивая за предосудительное поведение, а Вениамина вытащили из неожиданной купели, отвели в отдельную каморку и уложили на соломе с подушкой в изголовье.

гут иной раз по воле божьей быть посланцами добрыми: даже теленок может стать целителем, даже ничтожная мошка может докучать, изводить и причинять безмерные страдания. Пример тому — история с извергом Титусом¹, приключившаяся в стародавние времена. Вчерашний случай означает, что путешествие предпринято в добрый и счастливый час и что Вениамин, если богу будет угодно, завершит его благополучно и достигнет всего, чего он желает.

— Водонос, идущий навстречу с полными ведрами, спокон веков считался хорошей приметой, а тем паче большущий ушат воды! — подтвердил Сендерл.

Однако все еще не проходившая боль в ногах да мягкая солома, на которой было так удобно лежать, заставили Вениамина остаться в Пьевках на весь день. Он был подобен кораблю, севшему в море на мель и ожидающему попутного ветра, чтобы сняться с якоря.

На следующее утро Вениамин поднялся со своего ложа и снова двинулся в путь.

Довольно долго Вениамин шел молча, в каком-то мрачном раздумье. Вдруг он хлопнул себя по лбу и остановился, глубоко опечаленный. Лишь несколько минут спустя он раскрыл рот и произнес со вздохом:

— Ах, Сендерл, забыл я!..

— Где забыл? Что забыл? — засуетился Сендерл и схватился за торбу.

— Дома, Сендерл, дома забыл!

¹ Тит (Титус) Флавий — римский император, покоривший Иудею в 70 году нашей эры. Талмудическая легенда повествует о том, что в наказание бог поместил у него под теменем тарантула, причинявшего ему ужасные муки.

— Что тебе вздумалось, Вениамин? — сказал Сендерл. — Мы как будто захватили все, что нужно человеку в дорогу: торба, слава богу, здесь, талес, филактерии и молитвенники — тоже, субботные кафтаны с нами. Кажется, все, слава богу, взяли. Чего же нам не хватает? Да и что мы могли забыть?

— То, что я забыл, Сендерл, очень важно, просто необходимо. Дай бог, чтобы все обошлось благополучно! Но если, упаси, не приведи и помилуй бог, если попутает нечистая сила, если стряется беда в пути, тогда мы почувствуем, как велико значение того бесценного, что я позабыл. Уходя из дому, я второпях запомнил произнести заговор, записанный в старинной книге и заимствованный из очень древней рукописи. Когда уходишь из дому, заговор этот обязательно нужно прочесть возле заставы. В книге говорится, что это верная защита от всяческих опасностей и дурных встреч. Вот что я позабыл!

— Может быть, ты хочешь вернуться домой? — простосердечно спросил Сендерл.

— Да ты с ума сошел?! — воскликнул Вениамин, и вся кровь прилила у него к лицу. — Как это — вернуться домой? После стольких трудов, после такой дороги — и вдруг вернуться! Помилуй, — а люди? Что люди скажут?

— А что нам, Вениамин, до людей? — ответил Сендерл. — Люди, что ли, спрашивали тебя отправиться в это путешествие? Разве они контракт с тобой заключили или дали тебе на дорогу?

— Очень разумно! — язвительно произнес Вениамин. — А Александр Македонский! Его разве спрашивали отправиться в поход в Индию и воевать там?

242

кой. Сендерл наострил уши, выслушал головоломные речи Вениамина и в конце концов проговорил, по своему обыкновению:

— Если ты настаиваешь, пусть будет по-твоему! Мне-то что!

Уладив спор, Вениамин и Сендерл продолжали путь и после долгой ходьбы по дорогам и проселкам едва живые доплелись до Тетеревки.

Тетеревка — первый крупный город, который довелось увидеть нашим путешественникам за всю свою жизнь. Удивительно ли, что они разглядывали прямые улицы, высокие каменные дома и никак не могли наглядеться на них? Чуть ли не на цыпочках шли они по тротуарам, смешно поднимая ноги, будто боялись слишком сильно ступить по гладким камням, чтобы не причинить им какого-нибудь вреда. Ноги, участье коих весьма незавидна! Местечковые ноги, никогда не ступавшие по деревянному настилу даже у себя в доме, ноги, с которыми их обладатели не церемонились, вынуждая их, как свиней, месить непролазную уличную грязь... Такие ноги и в самом деле не могут не растеряться на первых порах, не могут не подпрыгивать, впервые ощутив под собою каменную мостовую. Только что прибывшие местечковые ноги не трудно узнать на мощеных улицах большого города.

Наши путешественники с замиранием сердца шли по городу, почтительно уступая дорогу каждому встречному. Сендерл то и дело хватал Вениамина за полу и отгаскивал его в сторону. Иной раз Сендерлу из-за этого приходилось чуть ли не пускаться в пляс со встречным пешеходом. Человек шел прямо и на-талкивался на Сендерла, который, желая отступить

244

Да и всех наших странников люди, что ли, спрашивают скитаться по свету?!

— А я почему знаю! — ухмыльнулся Сендерл. — По мне, все они могли бы дома сидеть. Честное слово! Это было бы, пожалуй, лучше и правильнее для всех. Ах, глупенький, глупенький Александрюшка Македонский! Дом у тебя был полная чаша, жил бы себе в свое удовольствие, поглаживал бы себя по животу. И на что тебе, дурачок, сдалась Индия? «Сиди дома да не рыпайся!» — сказано в народной поговорке. А ведь люди говорят: «Народная поговорка — что священное писание». Но еще больше удивляют меня наши евреи. Уж они-то, наверное, могли бы этой поговорки придерживаться! Сидели бы дома и занимались своим делом. К чему им скитаться, бродить, носиться без толку, не зная куда и зачем, не щадя ни здоровья, ни сил, зря сапоги трепать? Честное слово, Вениамин, попадись мне на глаза такая вот особа, я бы ему тут же на месте эту народную поговорку выложил!..

Долго препирались наши путешественники. Сендерл задавал вопросы, а Вениамин ему доказывал, что он глуп и ни малейшего представления о таких вещах не имеет. Сендерл напоминал лошадку, которая всегда послушно и преданно служила своему хозяину, готова была за него в огонь и воду и вдруг ни с того ни с сего, словно стих на нее нашел, заартачилась, встала на дыбы и — ни с места, хоть ложись да помирвай! И если Вениамин и не стегал заупрямившегося Сендерла кнутом, то зато донимал его своим красноречием до тех пор, пока тот не стал мягче воска, пока не стал по-прежнему покорной, покладистой лоша-

16°

243

в сторону, на деле загоразивал встречному дорогу. Тот кидался вправо, но Сендерл опережал его и сам кидался в ту же сторону. Тогда оба бросались влево, а затем снова вправо, и так до тех пор, пока наконец не разминутся. Один из прохожих, видимо, не очень расположенный танцевать с Сендерлом, попросту схватил его за шиворот и отшвырнул в сторону, так что тот едва без зубов не остался.

Для наших героев здесь все было диковинным, все, казалось, тычет в них пальцами: дрожки что-то кричали, фэтоны переговаривались, дома надменно поглядывали большими оконными стеклами, а люди передразнивали их, и все орало им вслед: «Эй вы, нищие! Торбы! Мелюзга местечковая! Торбы! Торбы!»

— Знаешь, Вениамин! — сказал Сендерл, задирая голову и почтительно разглядывая большие дома. — Я полагаю, Вениамин, что это — Стамбул!

— Брось! Глупости! Куда этому городу до Стамбула! — отвечал Вениамин таким тоном, точно сам он был уроженец турецкой столицы. — В Стамбуле, глупенький, пятьсот раз по пятьсот улиц, а на каждой улице пятьсот раз по пятьсот пятнадцати — двадцати, а может быть, и тридцатипятиэтажных домов! А в каждом доме живут пятьсот раз по пятьсот человек! Думаешь, это всё? Нет, погоди, чудак ты этакий! Кроме того, есть улицы поменьше: разные Юрки, Коченевки, Пески, Яры и Подолы! Их там тьма-тьмушная!

— Ай-яй-яй! — поражался Сендерл. — Ведь это же

¹ Названия предместий Бердичева, Житомира и других городов, в которых проживали евреи.

ужас, честное слово, какой огромный город! Но скажи на милость, Вениамин, откуда берутся такие большие города? Зачем людям тесниться в одном месте, как сельдям в бочке? Разве мало места на земле? Ведь есть, наверно, что-то такое, что заставляет людей отрывать от земли и устремляться в небо, ввысь, на верхние этажи? Уж не оттого ли это, что душа человеческая в небесах зародилась и поэтому тянет человека туда, хочется ему, бедняге, расправить крылышки и витать в вышине... А что говорят по этому поводу твои философы, Вениамин? Не встречались ли тебе суждения на этот счет в твоих философских книгах?

— Видишь ли,— отвечал глубокомысленно Вениамин,— что касается философии, то имеется подробное толкование и по этому поводу. Мне как-то однажды пришлось заняться этим у нас в синагоге, за печью... Таким образом был решен талмудический вопрос о ниспосланных нам десяти мерах нищеты, а также было объяснено изречение о том, что весь мир исполнен зла. Но сейчас я это тебе растолкую на основании библии. Ведь ты, Сендерл, пятникнижие учил? Там сказано, что вначале, в древние времена, наши предки жили в шатрах. Но во время Вавилонского столпотворения все люди собрались в одно место и стали делать кирпичи, а потом строить город с высокими домами, упирающимися в небо. Однако в разгар работы на людей нашло затмение, началась кутерьма, суматоха: они перестали понимать друг друга, и все пошло кувырком... Хорошо еще, что бог их тут же разогнал, и люди зажили как прежде, стали дышать свободно, и мир снова воспрянул. Но грех столпотворения не искуплен по сей день. С тех пор и осталась

246

здесь, это то же столпотворение: та же сумятица и неразбериха, воровство и разбой...

— А пропади оно пропадом! — выругался Сендерл. — Пойдем, Вениамин, отдохнем! На тебе лица нет, ты ужасно выглядишь! И щека у тебя почему-то горит, черт бы побрал эту ведьму! Вытри, пожалуйста, лицо! Чертова баба, видать, желтком тебя намазала.

у людей страсть тесниться, жаться, строить высокие дома, создавать себе славу, устремляться в небо... Помнишь, как сказано в библии? «Что ты ко мне пристал, как злыдень? — говорит Авраам Лоту. — Зачем твоим людям ссориться с моими из-за пяди земли? Ведь весь мир открыт пред тобою, ступай куда хочешь, и давай забудем об этом!..»

Не успел, однако, Вениамин окончить свою тираду, как послышался зычный окрик пароконного извозчика, который, наехав сзади, чуть не огрел их оглоблей.

— Эй, вы, бродяги! — крикнул извозчик, замахаясь кнутом. — Чего ползете, точно раки — ко всем чертям! Дорогу загораживаете?! Бездельники! Чучела гороховые!

Наши герои с перепугу бросились врассыпную, кто куда.

Сендерл наскочил на столб, ушибся и растянулся во весь рост на земле, а Вениамин впопыхах наткнулся на торговку, несшую корзину с яйцами. Яйца разбились, и над Вениамином разверзся ад кромешный: торговка метала громы и молнии, осыпала его руганью и проклятиями, хотела дать, вернее дала ему звонкую пощечину и, судя по всему, имела горячее желание вцепиться ему в волосы... Короче говоря, Вениамину основательно влетело. Еле живой он вырвался из рук разбушевавшейся торговки и бежал в переулочек, где к нему вскоре присоединился и Сендерл.

— Вот тебе и большой город! — сказал Сендерл, вытирая полою пот со лба и щек. — Тут не стой, там не ходи! Черт их ведает!

— Это тянется со времен столпотворения! — ответил Вениамин, тяжело дыша. — Все, что ты видишь

247

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поворот в политике — по милости Вениамина

В одной из тетеревских молелен горячо обсуждалась тогдашняя Крымская война. Запечье раскололось на различные партии. Каждая партия имела своего президента и свое политическое направление.

Хайкл Башковитый и его последователи были поглощены «тетей Витей»¹. Они разбирали ее по косточкам и разоблачали все ее хитрости и штучки.

В свое время Хайкл был, с позволения сказать, часовым мастером, умел лучше всех прокатывать

¹ Подразумевается английская королева Виктория (1819—1908).

мацу зубчатым колесиком, не знал себе равных по части строительства шалаша к празднику Кущей. Никому не удавалось так ловко использовать при этом строительстве доску для раскатывания теста, лопату, скамью и поломанную птичью клетку. Поэтому, когда при обсуждении затрагивались вопросы технические, спорщики из уважения к нему говорили:

— Это уже по его части, Хайкл знает...

Хайкл постоянно рассказывал удивительные вещи об умопомрачительных английских машинах, так что у слушателей волосы вставали дыбом. А если кто-нибудь из слушателей прерывал его рассказ вопросом, желая понять, в чем секрет машины, Хайкл тут же объяснял все очень просто некоей пружинкой и при этом делал такую мину и так сладко улыбался, точно разрешал все недоумения и раскрывал глаза своим слушателям. Вообще, «пружинкой» Хайкл объяснял решительно все: часы, телеграф, игральный ящик и все прочие механизмы и изобретения на свете. И только Ицика Простака никогда не удовлетворяли «пружинки» Хайкла. Он усматривал в этом некое вольнодумство и насмешливо замечал:

— Хайкл, чего доброго, скажет, что и «голем»¹ и прочие чудеса можно объяснить все той же пружинкой!.. Фи, глупости! Все его объяснения, да простит он меня, просто-напросто ничего не стоят, чепуха!

И так как Хайкл Башковитый стоял горой за «тетю Витю», то Ицик Простак, его постоянный противник, ухватился за «тетю Росю»² и заступался за нее;

¹ Г о л е м — сказочный человек, который якобы был создан при помощи магии из глины.

² Имеется в виду Россия.

переговорил об этом с Хайклом, и тот решил пораскинуть умом. Он пришел к заключению, что дело это хоть и не из легких, но кажется разумным. На особом совещании с Берлом Французом и Тевье Моком путешествие подверглось всеобщему обсуждению, причем участники совещания немало подивились затее нашего героя.

— Вениамин,— говорили они,— и в самом деле не похож на обыкновенного человека. Он какой-то рассеянный, не от мира сего. Порою трудно понять, что он говорит... То, бывает, задумается, вытаращит глаза, как стекляшки, и улыбается. Наконец, повадки и манеры у него какие-то странные... Все это говорит о том, что Вениамин человек особенный, не простой. В нем, несомненно, есть что-то такое... Иначе и быть не может! Кто знает, может быть, этот Вениамин вовсе и не Вениамин... Всякое может статься!

Когда Вениамин и Сендерл после столкновения с торговкой на улице, запыхавшись, прибежали в молельню, там стоял невероятный шум. Сборище наших политиков горячо препиралось с Ициком Простак, который надрылся, стараясь всех перекричать:

— Вот, смотрите, что сказано в Иосифоне!¹ — неистовствовал Ицик и не переводя дыхания тыкал пальцем в какую-то книжицу.— Здесь сказано, что Александр Македонский намеревался направиться к потомкам Ионадава, сына Рехавы². Он дошел со своими богатырями до Гор Мрака³, но дальше они пройти

¹ И о с и ф о н — средневековая хроника.

² И о н а д а в, Р е х а в — библейские персонажи.

³ Г о р ы М р а к а — горы, которые часто упоминаются в средневековых еврейских легендах и сказках.

не шадя сил. Каждый из них старался склонить на свою сторону приверженцев других партий. Если у Хайкла кое-как налаживались отношения с Шмуликом Боксор, главарем приспешников клики «дяди Измаила»¹, если он наполовину поладил с Берлом Французом, горячим поклонником Наполеона, то Ицик переманивал в свой лагерь Тевье Мока, политика австрийской ориентации. Атмосфера накалялась. Из уст в уста передавались самые разноречивые суждения, страсти кипели, молельня прямо-таки ходуном ходила!

Как раз в это тревожное время наши путешественники прибыли в Тетеревку и временно поселились в этой молельне.

Сендерл, по природе человек покладистый, и в политических вопросах не проявлял особого упрямства — охотно соглашался с каждым в отдельности. «Тебе так угодно,— говорил он,— пожалуйста, пусть будет по-твоему! Мне-то что!» Поэтому все прониклось к нему симпатией. Уже после первого приветствия они пришли к заключению, что Сендерл — добряк, человек без задних мыслей, лишенный манеры настаивать на своем во что бы то ни стало. Но в то время, как Сендерл был в наилучших отношениях решительно со всеми без всякого различия, Вениамин, напротив, проявлял большую разборчивость и с первого же раза почему-то проникся особой симпатией к Шмулику Боксору, к которому он постепенно все больше привязывался, покуда окончательно не сдружился. Вениамин поведал ему весь план своего путешествия. Шмулику эта затея очень понравилась. Он

¹ Подразумевается Турция.

не смогли, так как ноги их вязли по колено в трясине. Так как солнце там не светит, то земля сплошь болотистая. Вот и подумайте: если Александр Македонский, великий Александр Македонский, который летал на орле и был уже у врат рая, не смог пройти через Горы Мрака, то где уж там нашему замухрышке, этакому ничтожеству! Нет, не поможет ему даже Хайкл со всеми его пружинками!

— Эх ты, голова с мозгами! — раскричался Хайкл, тыча в Ицика большим пальцем.— Где у тебя глаза? А ну-ка посмотри, что сказано дальше! Александр Македонский, говорит он, встретил там птиц, говорящих по-гречески. И одна из таких птиц сказала ему следующее: «Напрасен твой труд, ибо ты возымел намерение проникнуть в чертог господень и в обитель рабов его — потомков Авраама, Исаака и Иакова»...¹ Теперь тебе понятно, голова дубовая, почему Александр Македонский не смог пробраться туда?

— Ну, ладно. Но что ты станешь делать, умник мой дорогой, если правда то, что говорят, будто десять колен израилевых, в том числе и краснолицкие израильтяне, или потомки Моисеевы, живут как раз там, где-то около страны пресвитера Иона?² А ну-ка, пусть герой твой разыщет где-нибудь эту самую страну пресвитера Иона! Так он ее и нашел! После дождичка в четверг!..

¹ А в р а а м, И с а а к и И а к о в — библейские мифические патриархи.

² С т р а н а И о н а.— В средневековых легендах фигурирует сказочная страна «пресвитера Иона», которая якобы находилась в Средней Азии.

— А, глупости, Ицик! Право, глупости!

— Погоди-ка, погоди, разумник! А ведь существует еще и река Самбатьен! А что он поделает с этой речкой, которая всю неделю подряд камнями швыряется? Допустим, что он уже перебрался через Горы Мрака, предположим даже, что он отыскал страну пресвитера Иона. Но вот он дошел до реки Самбатьен и — тпру! Градом сыплются камни, ступить невозможно... Тут уж ему не поможет даже твоя «Витя», хоть стань она головой вниз, а ногами вверх!

— Э, брат, ты уже и в «Витю» вцепился! Вот ты куда забрался!

— И что это, в самом деле, за манера, Ицик, ни за что ни про что королей высмеивать? — заметил с досадой Берл Француз. — Речь идет о Вениамине, — ругай Вениамина, а королей, прошу тебя, оставь в покое!

— За что ругать Вениамина? — отозвался Тевье Мок. — Вениамин, по-моему, на правильном пути. Он может принести евреям радостные вести.

— Эх, Мок, Мок! — проговорил с сожалением Ицик и покачал головой. — Вот уж никак не ожидал, чтобы ты, Мокушка, носился с этим Вениамином и был с ним заодно. Что ты в нем особенного нашел?

— Нет, вы только послушайте! Послушайте, что он говорит! «Что ты в нем особенного нашел?» — перерезал с насмешкой Шмулик Боксор. — В своем ли ты уме сегодня, Ицик? Человек опустился, рассеян, смотрит как-то странно, говорит бог весть о чем... Кажется бы, все это очень ясно свидетельствует о том, кто он такой. Лицо — лучшее зеркало. Если все это

254

ничего тебе не доказывает, то я уж и не знаю, что такое, по-твоему, человек? Да вот, пожалуйста, он и сам явился. Посмотри на него и скажи, если ты в своем уме, если ты не окончательно рехнулся... Видите, у него почему-то пылает щека и три желтые полосы, подобно букве «Ш», тянутся по лицу! Ну, что ты теперь скажешь, Ицик?

Ицик подошел поближе к Вениамину, окинул его взглядом с головы до ног, плюнул чуть ли не в лицо и сердито отвернулся.

После этого разговора о Вениамине расстановка политических сил сложилась по-иному. Шмулик Боксор и Берл Француз заключили союз с Хайклом. «Витя» выслала в море тысячу кораблей с какими-то чудовищными машинами, «дядя Измаил» перешел реку Прут, а Наполеон обрушил бомбы на Севастополь. Тевье Мок занял неопределенную позицию, ни туда ни сюда, и трепал языком, сам не зная, на каком он свете. А Ицик Простак остался в одиночестве, словно посреди моря. Он, бедняга, орудовал всячески, из кожи лез: шутка ли, один против такого скопища! Зато он взъелся на Вениамина и не упускал повода придрататься к нему и надосадить по мере возможности.

«Господь свидетель, — говорит в своих писаниях Вениамин, — я не вмешивался в политику. Ибо, во-первых, к чему мне это? Во-вторых, что еврею до всего этого? По мне, все могло быть и так и этак, — не все ли равно? Сендерл мой тоже в такие дела отнюдь не вмешивался. И тем не менее Ицик мне покоя не давал — досаждал и днем и ночью: то патыкает мне сзади перьев или швырнет в меня потихоньку подушеч-

255

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, как наши герои ходили по миру

Большую часть дня наши путешественники были заняты добыванием средств к существованию. Они наносили визиты тетеревским жителям и за короткое время так прославились, что на них указывали пальцами и встречали — кто шуткой, кто ухмылкой. Другой на их месте возгордился бы почестями, с какими их встречали, и разрезвонил бы повсюду о том, как он велик, как люди просто таяли при виде его, как носились с каждым его словом, как принимали и провожали до самых дверей. Но наши герои были люди простые и почестям особого значения не придавали.

Вениамин был поглощен своими делами, а Сендерл неустанно заботился о том, чтобы торба была набита до полна и чтобы в кармане звякало несколько грошей на расходы. А подадут ли с улыбкой или с гримасой,— не все ли равно? Давали бы только!

Нынче пир горой, а завтра
Клянчишь медный грош на завтрак¹.

Вот известная еврейская песенка, которая очень верно рисует простоту и неприязнительность наших пищих. Эту песенку частенько напевал про себя Сендерл, когда побирался.

— Добрый день! Бог в помощь! — возглашал он обычно, входя в дом, и тащил следом за полу Вениамина. Потом он выталкивал его вперед, шепотом наказывал не стесняться, а сам почтительно отступал в сторонку.

Побираясь таким образом, наши путешественники попали однажды в дом, в котором застали некоего молодого человека, о чем-то горячо толковавшего с хозяином. Молодой человек, судя по всему, разъясняя хозяину важность какого-то дела, которое якобы могло прославить его на весь мир... Он всю расхваливал сам себя, показывал бумаги и чего-то добивался. Но хозяин дома морщился, отбояривался как мог и не чаял, как бы вырваться из цепких лап этого молодого человека. Завидев наших героев, хозяин ухватился за них как утопающий за соломинку. Он бросился к ним навстречу в надежде, что те пришли к нему по важно-

¹ Здесь и дальше переводы стихов Г. Юнакова.

Чтоб его трясло и качало, чтоб мозги из его костей поганых вытеккли!..

— Вениамин, дадим тягу! — шепнул Сендерл и потащил своего друга за полу. — Проватись она сквозь землю, эта ведьма чертова! До сих пор забыть не может разбитые яйца!..

му делу и таким образом вызволят его из беды. Узнав, однако, кто они такие и за чем пришли, хозяин растерялся и застыл в изумлении, как человек, которого напасти подстерегают со всех сторон.

— Вот вам еще путешественники! — проговорил хозяин, придя в себя, и обратился к молодому человеку: — Эти люди — тоже путешественники! Новое несчастье на нашу голову — путешественники!

Молодой человек и наши герои разглядывали друг друга.

— Знаешь, — прошептал Сендерл, потянув Вениамина за полу, — возможно, что этот молодой человек держит путь туда же, куда и мы... Он, упаси бог, может нас опередить, и мы останемся в дураках.

— А вы, чего доброго, не одна компания? — спросил хозяин.

— Боже упаси! Что вы! — в один голос воскликнули Вениамин и Сендерл. — Мы сами по себе! Мы ходим отдельно!

— Ходите себе на здоровье отдельно, — для меня вы одна компания! — сказал хозяин, доставая из кармана монету.

— Дайте, пожалуйста, нам! Нам дайте! — попросил Сендерл и протянул руку. — Мы выйдем молодому человеку его долю! Идемте, молодой человек, мы с вами рассчитаемся. У меня есть мелочь.

Но в эту минуту растворилась дверь кухни, и откуда послышался дикий крик:

— Это он! Он! Вот тот, что стоит возле низенького, худощавого мальчишки! Они тогда вдвоем таскались. Я узнала его, этого красавца, по роже, по рыжей бородачке, чтоб ему ее повыдергали. По распахнутой грудке, — черт бы его, господи милосердый, побрал!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, как предки сослужили службу нашим героям

Нельзя без горечи и сожаления читать о судьбах великих мыслителей мира сего, о том, как много страданий причинили им люди, ради которых они жертвовали всей своей жизнью и которых осчастливили полезными открытиями и достижениями ума своего. Мир, по сути дела, подобен ребенку, который любит держаться за маменькин передник, не отходя от него ни на шаг; ему нравится слушать старые глупые сказки, сто раз на дню повторяемые няньками и бабками; он уверен в том, что на свете нет ничего лучше его игрушек, что именно в них кроется вся и всяческая премуд-

рость. Когда из хедера является помощник ребе и отводит ребенка в школу, чтобы чему-нибудь его научить, он кричит и отбрыкивается, как если бы его вели на закланье. Мир предпочитает жить по старинке, всякое новшество кажется ему дикостью, он упорствует и противится, он смешивает с грязью тех, кто предлагает новое... И лишь после того как новшество привилось, пришлось и воочию доказало высокую свою полезность, лишь тогда за него хватаются, радуются ему, превозносят, совершенно забывая о тех, кто в поте лица своего открыл это новшество. Хорошо еще, если люди догадаются упомянуть их в молитве и поставят им памятник. Миллионы людей ныне благополучно здравствуют в Америке, а бедный Колумб, когда его осенила счастливая мысль об открытии этой самой Америки, вдоволь настрадался; над ним издевались, его считали сумасшедшим.

Та же участь постигла и нашего Вениамина из Тунейдовки. По внешнему виду его принимали за полоумного, а слушая его разглагольствования о путешествии, люди еле сдерживали хохот, подтрунивали над ним, дразнили, смотрели на него как на чучело гороховое. Счастье, что Вениамин далеко не все понимал, не то он обозлился бы, занемог бы, упаси бог, от огорчения и плюнул бы на свое путешествие!

Мы опускаем многое из того, что относится к издевательствам над Вениамином, дабы это не легло несмываемым пятном на всех нас, не опозорило бы нас перед лицом истории, перед лицом будущих поколений. Мы делаем вид, что ничего об этом не знаем. Шитокрыто! Продолжим наше повествование.

«В Тетеревке,— говорит Вениамин,— много евреев, да плодятся и множатся они! Кто они, что за люди, от-

262

всей души желаю, чтобы и бог и люди были так же довольны ими во веки веков. Аминь!»

«Чудеса, да и только! — продолжает Вениамин.— В этой среде встречаются иной раз и слегка свиноподобные. Их сразу узнаешь по обличению. Кое-кто полагает, что это порода такая, другие утверждают, что таково влияние местности». Вениамин не берется решать этот вопрос. Дело ученых исследовать и объяснить это явление. «Но как бы то ни было,— указывает Вениамин,— само по себе это вовсе не ново. Еще старик Маттаия де ла Кроти в давние времена писал в своем «Отображении мира» следующее:

«В британских владениях живет племя хвостатых, подобных коровам. Еще встречаются женщины огромного роста, толстомысые, великаны, заросшие щетиной, подобно свиньям. Во Франции объявилось племя рогатых. В горах живут хромоногие женщины, причем хромота считается у них признаком особой красоты». Совсем как у нас! В наши дни встречается много женщин, у которых, извините, зад сильно выпячен, а по земле волочится длинный хвост. «Так было,— говорится в писании,— так и будет, ничто не ново под луной!»

«Тетеревка,— говорит Вениамин,— большой город с красивыми домами, с длинными улицами. На первый взгляд кажется, что жизнь в городе бьет ключом. Однако с течением времени, когда обживешься, убеждаешься, что по сути это своего рода большая Тунейдовка.

Жители города едят, ложатся спать, встают каждый день обычно в одни и те же часы. Счет времени ведется там от завтрака до обеда, от обеда до ужина. Завтрак, обед и ужин — это в жизни тетеревцев три

куда родом — они и сами знать не знают и ведать не ведают. От отцов, дедов и прадедов им известно, что происходят они от евреев, да и судя по некоторым их обычаям, по одежде, языку, делам и тому подобному, — они, видимо, и в самом деле евреи, но пришедшие сюда из разных мест, оторвавшиеся от разных колен Израилевых, разобщенные, ибо у них друг с другом нет почти ничего общего. Падающего здесь, к примеру, никто и не подумает поднять, хоть околеет он тут же на месте, прости господи!

Среди здешних евреев имеются и такие, которые прекрасно понимают манифаргийский язык. Слово это происходит от латинского «манифаргиссимус», что означает: «мани» — рука, а «фарги» — нечистая, то есть нечистые на руку. Евреи-манифаргийцы знают также хиромантию, то есть глядят людям в руку, да тем и кормятся. Кроме того, есть у них и другие специальности — они замечательные клепальщики и отличные токари: сочинят небылицу, да так отточат, что диву даешься! Еще ниспослал им всевышний дар превеличения: сочинят втихомолку историю и расскажут с такой ужимкой, что человека даже слезой прошибает,— всю душу вывернут. Говорят, что евреи эти — разноплеменный сброд и берут они начало от упоминаемого в библии рода «кафторим»¹.

«А в общем,— повествует Вениамин,— тамошние жители — люди порядочные и благопристойные. Меня они всегда принимали с улыбочкой; им доставляло большое удовольствие оказывать мне внимание. По всему было видно, что они мною очень довольны. От

¹ Кафторим — иудейское племя.

пристанища, до которых они жаждут добраться, чтобы хоть чем-нибудь заняться после длительной потери времени в путешествиях по пустыне.

Говорят, будто сам по себе воздух в Тетеревке делает человека ленивым, беспомощным, сонливым. Бывает, попадет сюда человек энергичный, жаждущий деятельности, но проходит немного времени, и от его энергии и стремления к деятельности ничего не остается, кроме стремления... поесть, поспать и вставать лишь для того, чтобы снова покушать и снова лечь спать.

Привелось Вениамину повидать здесь местечковых мироедов и общинных заправил. Перед отъездом из своих местечек они проявляли кипучую энергию и чрезвычайное усердие. «Необходимо ехать! — твердили они.— Во что бы то ни стало надо ехать, и обязательно нужно постараться уладить вопрос о деньгах на общественные нужды и разные другие дела!..» По совести говоря, все их рвение, все эти усилия ни к чему, и нужны они тут как пятое колесо телеге, так как имеется установленная смета, и все будет сделано без их помощи. Однако пыл и жажда деятельности возобладают. Желание ехать превозмогает. И, получив у горожан деньги на расходы для своих жен, детей и для себя, наши общественные печальники отправляются в добрый и счастливый час в путь-дорогу. Но по приезде в Тетеревку их пыл, как назло, немедленно остывает. Куда девалась вся их прыть? Сидят в заезжем доме размякшие, беспомощные, и все только едят да пьют, бедняги, и спят, точно околдованные. В таком состоянии проводят они, несчастные, все свои дни и годы. Общество по их требованию беспрерывно шлет

им деньги, а они, страдалцы, торчат здесь да только и делают, что позевывают, едят, спят, горемычные, как зачарованные принцы, и прямо-таки нет никакой возможности вытащить их отсюда. Тут уж ни знахарь, ни ведьма не помогут.

Вениамину очень хотелось познакомиться с проживающими в Тетеревке знаменитыми учеными и сочинителями. Как-никак, он был тоже человек ученый, философ, заглядывающий в умные книги и знающий, что такое древнееврейский фоллант, из коего и они черпали свои познания и ученость. Да и как же можно было быть здесь и не повидаться с людьми своего круга? Кроме того, ему хотелось потолковать с ними о своем путешествии. Такие люди его поймут и оценят по достоинству. Кстати, он надеялся получить от них рекомендательные письма и хвалебные отзывы; ведь они любят блеснуть рекомендательной грамотой по поводу всяких ничтожных затей, пустяков и нелепостей. Как же им не откликнуться на столь важное событие, как путешествие нашего героя! Тут уж перо их понесется, словно резвый конь, галопом по бумаге.

Однако, к кому бы Вениамин ни заходил, его всюду постигала неудача: хозяин либо ел, либо спал!

Однажды ему удалось попасть к некоему неугомонному писака, прославившемуся своей неистовой предпринимчивостью, как раз в то время, когда тот полулежал в кресле в своей комнате.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! Что вам угодно?

— Ничего особенного. Побеседовать хотел бы.

Вениамин попытался так, попытался этак, — разговор не клеился. Писака, точно разваренный, еле ше-

266

здесь, у Ицика на ладони, волосы не вырастут, что не видать ему красноликих израильтян как ушей своих.

Однако Вениамин не давал ему наступать себе на мозоли и твердил свое: есть на свете создатель, не оставляющий в беде тех, кто на него уповаet. Как-нибудь, с божьей помощью, он доберется туда, всем врагам назло! Отбиваясь от чападок, Вениамин приходил в раж, он вдруг начал выкрикивать: «Гремучий змей!», «Дракон!», «Осел!..», «Мул!..» — и тому подобное. Это должно было означать: можете надрываться сколько угодно, а я уже далеко в пустыне, я иду, иду!

Ицик в таких случаях трижды сплевывал и говорил:

— Он просто с ума сошел, рехнулся! Его надо к знахарю сводить!

В конце концов Ицик добился того, что стоило Вениамину показаться на улице, как за ним, будто за полоумным, гналась орава мальчишек, швыряла в него камнями, улюлюкала и кричала:

— Гремучий змей!.. Дракон!..

Однажды, когда Вениамин и Сендерл шли под вечер по улице, озорники саранчой налетели на них и стали так донимать их, что наши герои вынуждены были обратиться в бегство. В одном из закоулков, сбегая с горки по длинному узкому мостку, они столкнулись с человеком, шедшим навстречу. Разминуться не было никакой возможности, разве что спрыгнуть с мостка и разбить себе голову или, в лучшем случае, ногу сломать. Но и голова и ноги до зарезу нужны были нашим путешественникам. Без головы или без ног путешествовать немислимо. И Вениамин и Сендерл остановились повесив носы.

268

велит губами, глаза у него слипаются, он клюет носом. Вениамин старается привести его в чувство, расшевелить своим красноречием, — напрасно: писака холоден как лед. Наконец он все же немного очухался, сладко зевнул и кликнул жену.

— Когда же мы будем кушать? — спросил он, потягиваясь и хрустя пальцами. — Пускай подадут на стол, — добавил он, — потому что я хочу потом прилечь...

Словом, Тетеревка — великая спальня: все тут спит мирным сном — и ученость, и торговля, и банки, и тяжбы, и всякого рода дела. И сколько их ни буди, никак не добудишься. Даже когда несколько человек соберутся, у них тут же отнимаются языки: сидят, зевают, смотря друг на друга как истуканы, и все соригище засыпает... И лишь когда подадут ужин, они начинают шевелиться, оживают, горячо принимаются за еду, насыщаются и — спокойной ночи! Расходятся по домам — спать...

С течением времени Вениамин испытал это и на себе самом. Он в Тетеревке только и делал, что ел да спал, и его страсть к путешествию начала понемногу ослабевать. Ему грозила величайшая опасность: он мог застрять здесь, как судно в море во время штиля, — проспать в Тетеревке всю свою жизнь. К счастью для него и для всего мира, произошло событие, которое, подобно урагану, сорвало его с места и заставило продолжать путешествие.

Вражда Ицика Простака к Вениамину возрастала с каждым днем. В последнее время он как клещ впивался в Вениамина, донимал его разговорами о путешествии. Ицик предвещал всякие ужасы, говорил, что не добратья Вениамину до реки Самбатъен, пока вот

267

— А-а, привет тебе, Вениамин! — произнес встречный тоном, в котором прозвучали и досада и насмешка. — Замечательная встреча, право, как нарочно!

— Здравствуйте, приветствую вас, реб Айзик-Довид! — растерянно, каким-то чужим голосом ответил Вениамин.

Встречным оказался реб Айзик-Довид, сын Ари-Иосла, мужа Соре-Златы, — тунейдовский мудрец.

— Хороши! Нечего сказать! — с укоризной процедил реб Айзик-Довид. — Удирают украдкой из дому... Удрали, и все тут... Почему? Отчего? Что за причина? Ведь все на свете должно иметь какой-то смысл! Как же это так, уйти ни с того ни с сего, за здорово живешь и покинуть жен своих бедных на произвол судьбы! В чем дело? Нет, в самом деле, не говоря уже ни о чем другом, я вас спрашиваю снова и снова, что это значит? Нет, скажите на милость, что вы тут делаете? Я и тебя имею в виду, Сендерл! Не думай, я вижу, как ты прячешься за Вениамина. Можешь быть уверен, от жены тебе здорово влетит! Она готова растерзать тебя, как селедку! Чуяло ее сердце, что вы здесь! Недаром ей, жене твоей то есть, захотелось поехать именно сюда, и обязательно со мной!

— Ага! Он здесь! — воскликнула вдруг подоспевшая откуда-то женщина.

Сендерл по голосу узнал свою жену. Он обмер, побелел как стена, душа в пятки ушла от страха. Чтобы не свалиться с мостков, он обеими руками ухватил Вениамина за полу кафтана, — до того закружилась у него голова. Вот, казалось ему, она накинется на него и надает ему оплеух.

— Полюбуйтесь-ка на них, на этих красавцев! Черт бы их побрал обоих! Где он, мой изверг? Пусти-

63

269

те меня к нему, пустите, я покажу ему, как велик наш бог! — кричала не переводя дыхания жена Сендерла и толкала реб Айзик-Довида.

— Только без крика! Без шума! — упрашивал реб Айзик-Довид. — Терпение! Уж вы столько времени ждали, подождите еще малость. Вдовой при живом муже вы уже, слава богу, не останетесь. Что же касается всего прочего, то поневоле приходится сказать: женщина остается женщиной. Казалось бы и неглупая, а все-таки женщина. И в самом деле, подойдем к этому делу с другой стороны. К чему шуметь? Конечно, я понимаю, вам досадно: они сбежали! Почему? Отчего? Ведь все должно иметь какой-то смысл. Но, понимаете ли, раз так случилось, — значит, так оно и есть, а раз так оно и есть, то спрашивается: к чему еще крик? Но секрет в том, — уж вы меня извините, как родную мать прошу, — секрет, понимаете ли, в том, что женщина, извините, остается женщиной.

Реб Айзик-Довид только было разошелся, намереваясь, по своему обыкновению, обсудить вопрос «с другой стороны», а затем снова «с другой стороны» и сдобрить свои рассуждения и солью и перчиком. Но с обеих сторон мостков уже собралось довольно много людей. Собравшиеся негодовали, что какие-то евреи загородили дорогу и не дают пройти, — встали тут и рассуждают, точно, кроме них, нет никого на свете.

Кладка была так узка, что двоим никак не разминуться. И тому, кто стоял на одной стороне, приходилось ждать, покуда мостки не перейдут пешеходы с другой стороны. Поэтому жене Сендерла и реб Айзик-Довиду пришлось отойти назад. Вениамин и Сендерл тоже отступили на свою сторону. Лишь после этого люди стали переходить по кладке.

270

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ура! Краснолицие израильтяне!

— Э-гей! Вьо! Вьо! — хрипло кричал возница с облучка своей повозки, проезжая по самой оживленной улице города Глупска. Он чуть не наскочил на двух женщин, стоявших посреди мостовой с сумками, полными всякой снеди: мясом, редисом, луком, чесноком. Женщины поверяли друг дружке свои секреты, изливали душу так громко, что их можно было услышать за версту.

Женщины разбежались в разные стороны и остановились, чтобы издали, через дорогу, закончить разговор. Они кричали нараспев, стараясь заглушить визг и скрип телег, крытых фургонов и возов с дровами, длинной вереницей тянувшихся по улице и перегородивших на долгое время дорогу пешеходам.

272

— Скажи на милость, Сендерл, чего мы здесь стоим, чего ждем? — сказал Вениамин, уже успевший прийти в себя. — Мы сейчас похожи на ребят, которых в наказание привязали ниточкой к ножке стола, а другой конец велят держать во рту. Глупенький, сейчас еще не поздно спастись.

— Верно, честное слово! — весело воскликнул Сендерл, точно человек, вырвавшийся из тисков. — Скорей, скорей, Вениамин! Если ты не желаешь, чтоб я попал к «ней» в руки... Это не кладка, это сама судьба, это сами предки сослужили нам службу.

Наши герои тут же дали тягу и спустя несколько минут оказались уже на другом конце города. Без дальних проволочек они забрали свои узелки и распрощались с Тетеревкой.

— Хасе-Бейля! Значит, вечером придешь к гадалке? Я там буду со своим... Твой тоже придет, он просил передать тебе, что там будет весело. Приходи, глупенькая, останешься довольна! Ну как же, Хасе-Бейля, придешь?

— Моя хозяйка, чтоб она сгорела, хочет меня сегодня заставить хлеб замесить и крупу перебирать. Но я как-нибудь отделаюсь и приду. Только пусть это будет в секрете. Прошу тебя, Добриш, никому об этом не говори!

— Погоди-ка, Хасе-Бейля, погоди! Черт твою хозяйку не возьмет, если обед поспеет часом позже. Она хочет жрать? Пусть ее черви жрут! Да, я совсем забыла! Не просеивай так мелко муку! Мучнице не нравятся твои отруби. Сколько тебе осталось от сегодняшней покупки?

— Ах, сорванец какой! Держите его, жулика! Это что еще за мода — хватать? Чтоб тебе живот схватило!

— Что случилось, Хасе-Бейля? Чего ты кричишь?

— Воришка, понимаешь! Чуть сумку из-под рук не утащил! Хорошо, что я вовремя спохватилась.

— Смотри-ка, смотри, Хасе-Бейля, что это там за толпа? Опять, наверное, горит где-нибудь. Уже второй пожар сегодня! До вечера еще несколько пожаров может случиться.

— Не звонят. Был бы пожар, звонили бы.

— Погодика-ка, вон идет маклерша, я у нее спрошу. Симе-Двося! Симе-Двося! Что это за беготня?

— Не знаю, право! Может быть, Нехаме-Гися знает. Нехаме-Гися! Дорогая, что это там за сборище? Ваши утки так кричат, что ничего не разберешь. Годл сегодня родила, она у вас этих уток заберет. А куры у

вас есть? Да, утки очень жирные. Яйца сегодня — не подступись! Что же это там за суматоха?

— А я знаю? Какие-то красноликие... Слышу, кричат: «Красноликие! Красноликие!»

— Что? Прибыли красноликие израильтяне? Боже мой! Надо сбегать посмотреть на них! — выпалили все разом и кинулись бежать.

— Ура! Гремучий змей!.. Дракон!.. Ура, красноликие израильтяне! — надрывалась в толпе орава мальчишек.

«Красноликие израильтяне» — это были наши путешественники, Вениамин и Сендерл, которые после событий, приключившегося с ними в Тетеревке, прибыли в Глупск и за неделю-другую успели стяжать себе славу и здесь. Многие богобоязненные евреи прямо-таки восторгались ими так же, как некогда тем сапожником, в котором глупские обыватели вдруг узрели чудотворца.

Толця и Трайна, небезызвестные в Глупске благочестивые старухи, ежедневно к вечеру наряжались в субботние платья и повойники и отправлялись за город встречать мессию. Они-то и были теми счастливицами, которые однажды незадолго до наступления темноты удостоились встретить за городской заставой наших путешественников, прибывших в добрый час из Тетеревки в Глупск. С первого же взгляда обе кумушки поняли, кого им бог послал. Удивленно переглядываясь, Толця и Трайна подталкивали одна другую в бок. «Ну, Трайна! Ну, Толця! — шушукались они между собой. — А ведь чуяло сердце, что это не обыкновенные люди!»

Толця и Трайна нарадоваться не могли на наших героев. Они обе словно помолодели. Сердца их лико-

274

правляются, извините, в баню! Если же ручейки несут яичную скорлупу, очистки лука, кожуру редьки, печеночные сухожилия, селедочные хвосты и обглоданные мозговые кости, — поздравляю вас, сыны израилены: это день субботний! Празднуйте его в свое удовольствие! Кушайте на здоровье кугл!¹ Если же ручейки еле-еле движутся, волокут обгорелые комья каши, засохшие куски теста, рваную тряпку, расплзшуюся мочалку, — значит, сегодня воскресенье. Водовоз еще не привез воды, еле-еле удалось нацедить из бочки последние остатки и кое-как вымыть субботние горшки и макитры. Так и в каждый из остальных дней недели лужа выглядит и пахнет по-иному.

Благополучно перебравшись и через эту лужу, вы, уважаемые, пройдет мимо кучи мусора, оставшейся на память от сгоревшего домишка. На вершине кучи стоит обычно корова, которая, подобно странствующему проповеднику, спокойно жует жвачку, шлепая губами, и безразлично поглядывает на евреев, что носят вниз как угорелые, — с палками, тросточками и зонтами. Корова то потянет ноздрями, то вздохнет по-коровьему, точно, глядя на этих людишек, она и впрямь вздыхает и сетует на судьбу свою, что попала она, бедняга, в еврейские руки... Когда минете эту кучу, идите все прямо и прямо. Может случиться, что вы, упаси бог, грохнетесь на острые камни развороченной мостовой, — встаньте, прошу вас, если сможете, и, поскольку ногу вы себе не сломали, продолжайте путь, пока не попадете на некое подобие площади. Тут на площади вы найдете то, чем дышит Глупск, самую его суть.

¹ Кугл — субботняя бабка (кушанье).

вали, когда они слушали рассказы Вениамина и Сендерла об их путешествии; они умиленно переглядывались и улыбались: «Ну, Трайна!.. Ну, Толця!..»

Толця штопала им носки, Трайна чинила рубахи, пришивала тесемки, и обе чувствовали себя счастливыми, как в годы юности, когда они были невестами.

Словом, в Глупске наших героев оценили по достоинству. Да и где же еще, как не в Глупске, могли бы понять и оценить таких людей?

В Глупск, в Глупск ступайте, сыны Израиля! Зря вы, чудаки этикие, пропадаете, как нищие, и глухнете за печью в местечковых молельнях. В Глупск, черт возьми! Там найдете вы себе равных! Там вас дождаются ваши Толцы, ваши Трайны; там жаждут встречи с вами тысячи благочестивых евреев, тысячи безгрешных душ; там вы можете расти, там воспрянете духом, там найдете вы и почитателей и покровителей; там вы заживете по-настоящему!..

В Глупск, черт вас побери, в Глупск!..

Вот как Вениамин описывает этот город:

«...Когда придете в Глупск по Тетеревской улице, извольте сначала перепрыгнуть через лужу, затем через вторую, а чуть подальше — через третью, самую большую, в которую, с вашего позволения, стекаются мутные воды из дворов и помой со всех хозяйских дворов. Эти поток несут с собой много всякого добра, каждый день лепели определенного цвета и запаха, так что по внешнему виду лужи нетрудно определить, какой именно сегодня день. Если, например, в лужу текут ручейки, желтые от песка, которым чистят полы, и несут они с собой рыбу чешую, куриные лапки и головы, клочья шерсти и куски обгорелых копыт, — знайте: сегодня пятница! Берите веник и ряшку и от-

18*

275

Если имеются основания Тетеревскую улицу называть желудком Глупска, то эту площадь мы с полным правом можем считать его сердцем, бьющимся неустанно день и ночь, — тут средоточие его жизни. Здесь помещаются магазины, лавчонки, ларьки и знаменитые рундуки, в которых ремесленники сбывают всякого рода остатки: куски материи, тесьму, шнур, бархат, обрезки меха. Здесь царит вечная сутолока, всегда полно людей. Евреи снуют, толкаются, а на них со всех сторон напирают дышла или оглобли пароконных извозчиков. Врачи уверяют, что при вскрытии у глупских евреев нетрудно обнаружить либо дышло, либо оглоблю. Однако особенно полагаться на глупских врачей нельзя: здесь гораздо большую роль играют знахари.

На площади то и дело раздаются выкрики: «Вот горячие пышки!» Повсюду шныряют оборванные мальчуганы и дико взывают: «А вот гречаники!», «А вот чеснок, лук!» Здесь в предвечерний час можно между делом улучшить минутку и помолиться; здесь же во всеуслышание произносят молитву, приуроченную к новолунию, а потом кричат каждому проходящему: «Мир вам, дяденька!»

Тут стоят носильщики, подпоясанные толстыми веревками, отставные солдаты, торгующие старыми голенищами и потертыми шинелями, старьевщики, промышляющие рваными штанами, кафтанами, ватниками и другим тряпьем. Посреди площади стоит пан сторож и со смаком уплетает кусок булки, полученной в субботу за opravку свечей; он откусывает очень бережно, чтобы ни крошки не упало наземь. Снуют карманники в поисках добычи. Откуда-то выбегает грязная, растрепанная девица и ревмя

ревет, хрипло вымаливая милостыню, хватает за полы прохожих и так орет, как если бы ее резали и грабили. Ватага озорников улюлюкает и бегаёт за помещанным в измятой шляпе, напевающим грустные полуврейские, полупольские песенки. Поодаль стоит парень с каким-то ящиком. Люди смотрят в глазок, а парень приговаривает свое, заученное: «А вот Лондон — английская столица, папа римский едет верхом прокатиться. Он в красных штанах щеголяет, а народ перед ним шапку ломает!.. А сейчас перед вами Наполеон со своим войском идет войной на прусские страны, а пруссаки разбегаются, как тараканы! А вот картина третья: девица с султаном едет в карете. Великий vizир держит кнут, а кони бегут. Вдруг лошадка как вскинулась, карета опрокинулась, султан со своей милашкой полетел вверх тормашками! Султан не может встать, а девица хочет удрасть! Ну, хватит! Насмотрелся за грош! Следующий!..»

Длинными рядами сидят торговки, окруженные корытами, в которых полным-полно чеснока, огурцов, вишен, крыжовника, красной смородины, китайских яблочек, мелкой груши. В стороне скособочилась ветхая будка на курьих ножках, без окон и дверей, в которой, по рассказам седовласых старцев, некогда помещался солдат-будочник. Весь город бегал тогда смотреть на это чудо. Возле будки, которой здесь гордятся, словно старинной крепостью, под навесом из нескольких прогнивших дощечек, покрытых рогожей и соломой и опирающихся на четыре искривленных столба, восседает торговка Двося. Вокруг нее корыта. При ней постоянно большой горшок с тлеющими углями. Зимой она весь день сидит над ним, как наседка на яйцах, лишь время от времени вытаскивая его,

278

хочу высунуться вперед! Ты стал поперек, а я стану наискосок! Тебе хочется крылечко, а мне — лестницу: кому нужно, тот не хвор и вскарабкаться! Ты что-то уж слишком высоко поднял свою дырявую крышу, а я свою нарочно надвину... Ты мне не указчик! А кому не нравится, тот пусть не смотрит». Словом, все это указывает на древние, стародавние времена.

Во-вторых, обычаи жителей. До сих пор тут еще сохранились обычаи, ведущие свое начало от идолопоклонников, среди которых в былые времена жили предки обитателей Глупска. Тисьмо и счет здесь не в ходу, так что все общинные дела, дела разных товариществ и братств ведутся без всякой записи, а руководители их ни перед кем не отчитываются.

В-третьих, касты. Люди делятся здесь на касты так же, как некогда в Индии. Например, каста хапунов — самая главная, простирающая свою властную руку над всеми. Затем каста укрывателей, заступников, которые действуют заодно с хапунами, всячески отстаивая их интересы, за что получают от них определенное жалование и даровое мясо. Каста наводчиков, которые направляют других на скользкий путь, а сами изворачиваются и выходят сухими из воды. Эти делятся на банкротов — людей светских, знающих толк в торговле, и ханжистов — особ духовного звания, сведущих в вопросах религии. Наконец, имеется еще каста глупо-трусо-безъязыко-нищих. Это просто бедняки, смиренно подчиняющиеся всем остальным кастам и вечно за них отдувающиеся. На этих все шишки и валяются.

Наконец, в-четвертых, — монета, которую нашли однажды, когда раскапывали греблю! Одна сторона монеты была сильно стерта: еле-еле можно было различить на ней что-то вроде лоскута от фартука, нацеп-

чтобы раздуть угли и достать из золы печеную картошку.

Старинная, распространенная в народе легенда повествует о том, что часть евреев, которых царь Соломон отправил на кораблях в Землю Офир за золотом и всякими заморскими товарами, по разным причинам не вернулись обратно. Они открыли в Индии богатые лавки, крупные конторы, набрали в долг у тамошних немцев много товаров, заключили выгодные сделки. Долгое время они жили припеваючи. Впоследствии, однако, колесо фортуны повернулось в обратную сторону: купцы наши обанкротились и вынуждены были удрасть. Некоторые погибли в пустыне, другие, благополучно перебравшись через границу и сев на корабли, поплыли по Пятогниловке, которая в то время впадала в море. Плыли они, плыли, но однажды вдруг поднялась страшная буря; волны вздымались до небес, корабли были разбиты, а людей выбросило на берег. Эти люди и построили тут город и назвали его Глупском.

Исследователи старины, которые по мудрости своей великой способны из ничего мускатный орех сотворить, подхватили эту легенду и постарались при помощи тысячи ухищрений доказать, что в ней есть доля истины. Доказательства, которые они приводят, таковы.

Во-первых, форма омов в Глупске какая-то дикая, старинная, как много тысячелетий тому назад, когда люди ютились в шатрах и прозябали в логовищах. И в самом деле: в Глупске много домов, напоминающих логовища и лачуги дикарей. И внешний вид домов, и расположение их говорят о том, что они не ладят между собой: «Ты, мол, забрался вглубь, а я тебе назло

279

ленного на палку, а снизу — подобие корыта, из которого торчали изображения человеческих голов. На другой, почти гладкой стороне монеты с трудом можно было разглядеть старинные древнееврейские квадратные буквы, над которыми многие ученые ломали себе голову и делали всяческие догадки — каждый на свой лад. Одни предполагали, что начальная и последняя буквы первого слова вовсе не буквы, а следы стертого рисунка, каких-то завитушек. А без них слова этой надписи означают «Древо и ветвь», на что якобы указывает шест с тряпкой, изображенные на монете. Другие объясняли надпись совсем по-иному и тем самым взбудоражили весь мир.

Наконец нашелся человек с ясным умом, узревший во всей этой надписи не что иное, как начальные буквы слов, означающих: «Иудей Индии, прибывшие в Глупск и осевшие на реке Пятогниловке». А корыто с головами и шест с тряпкой изображают корабль с парусами и пассажирами. Этот ученый сочинил по этому поводу очень толстую книгу, в которой обращается к людям с призывом взяться за очистку реки, ибо там, по его мнению, наверняка будут найдены памятники старины, раскрывающие истину о происхождении глупских евреев. Но жители Глупска не решаются очищать реку. То, что навалено здесь с давних времен, говорят они, должно так и оставаться, человеческому глазу не следует заглядывать в тайники прошлого...

В самом городе имеется примерно тридцать — сорок луж, считая в том числе и пастбища. Все они соединяются пещерами с недрами Пятогниловки и в определенные сроки, особенно перед пасхой, разливаются необычайно, покрывая улицы такой глубокой

жидкой грязью, что даже у рослых жителей Глупска шапки в эту пору бывают забрызганы.

В темные ночи Глупск освещается единственным небольшим фонарем. Охраняют город два будочника. Тем не менее прохожие по ночам все же частенько падают, сворачивают себе шеи, ломают хребты. А воры в Глупске тоже орудуют, несмотря на охрану. Отсюда следует, что уберечься от напасти вообще невозможно, ибо чему быть, того не миновать. И никакие человеческие ухищрения тут помочь не могут.

«А потому,— говорит Вениамин,— нужно закрыть глаза и положить на милость божью, уповая, что он повелит своим ангелам оберегать нас и окружить заботой. И волос с головы человека не упадет без божьего соизволения! К примеру,— поясняет Вениамин,— может ли быть более сохранное место для филактерий и талеса, чем то, которое я выбрал? Я положил их в синагоге на полке. Надежнее места как будто и не сыщешь! И все же, когда бог не пожелал сберечь, их и отсюда утащили вместе с остальными нашими вещами!»

книжной, знал по описаниям кое-что и о рае земном, и о диковинных существах, населяющих Индию, и тому подобное. Правда, и он в душе изумлялся, впервые встретив что-либо новое, однако виду не подавал, улыбался и корчил при этом мишу, должествующую означать: «Глупости! Что это в сравнении с тем, что бывает!» Он доказывал Сендерлу, что Пятогниловка — попросту болото, дрянь, и считал за выражение, в сравнении с Иорданом, который во много раз больше ее. «Нашему дикому быку-великану¹ всей Пятогниловки и на один зуб не хватит! А Иордан... само название «Иордан» — говорит о его величине: масса, уйма, ну, одним словом... Иордан!»

— А знаешь, Сендерл, что мне пришло в голову? — спросил однажды Вениамин, стоявший в глубоком раздумье на берегу Пятогниловки. — Хорошо бы нам, думается мне, отправиться отсюда по воде.

— Господь с тобой! — всполошился Сендерл. — Вспомни, Вениамин: если наша речка в Тунейдовке поглощает ежегодно одного человека, то сколько же народу должна ежегодно забирать такая вот река? Пошади, Вениамин, нашу жизнь! Пожалей жену свою и ребятишек!

— Уповай, уповай, Сендерл! Надеяться на бога — наш удел! Уповая, праотец Иаков с посохом в руке перешел Иордан. Уповая на бога, евреи открывают здесь большие магазины. Все, что ты здесь видишь, зиждется на уповании. Даже лестницы и потолки, даже многие большие дома — и те держатся одной лишь надеждой на господа бога...

¹ Бык-великан — легендарный дикий бык. По религиозным верованиям, лишь набожный еврей удостоится чести вкусить от этого быка на «грядущем пиришестве» праведников.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Чудеса на Пятогниловке

Увидев впервые Пятогниловку, наши путешественники были изумлены и ошарашены: такой реки они еще никогда в жизни не видали. Сендерл был уверен, что это величайшая река в мире. Иначе он себе и представить не мог. Шутка ли, река, которая, быть может, во сто раз больше тунейдовской. Но Сендерл был человек простой; кроме Тунейдовки, он ничего не видел. Читать мудреные книги он тоже не умел, и потому все, что было непохоже на Тунейдовку, казалось ему чудом из чудес: на этом, думал он, белый свет клином сошелся. Но Вениамин, человек гораздо более просвещенный, вкусивший, так сказать, премудрости

283

— Но зачем же обязательно по воде? — спросил Сендерл. — Ведь мы можем путешествовать и по суше.

— У меня на то есть причины, — отвечал Вениамин. — Во-первых, мне кажется, что по воде и ближе и скорее. А нам нужно прибыть на место как можно скорее. Чем скорее, тем лучше. Почему? Уж это мое дело, мне виднее!.. Меня гнетет, Сендерл, мне не терпится. Одна мысль день и ночь стучит вот тут, в голове: поскорее бы очутиться там! Будь это в моих силах, я полетел бы туда, как птица, на крыльях! А во-вторых, когда Вениамин из Тудело в свое время отправлялся в путешествие, он вначале плыл по реке Эбро;¹ так буквально сказано в его книге. А уж если он в те времена отправился по реке, а не по суше, значит именно так и надо, а не иначе. Уж он-то, наверное, знал, что делает, он был умнее всех нас. Раби Вениамин — человек, живший задолго до нас, он наш предок и, стало быть, мы должны слушаться его беспрекословно.

— В таком случае, — сказал Сендерл, — не о чем толковать. Честное слово! Если бы тот Вениамин в те времена пустился в путешествие не то что по реке, а на кочерге верхом, то и нам нечего было бы раздумывать, — сели бы на кочергу и поехали!

— А в-третьих, — продолжал Вениамин, — нам вообще не мешает привыкнуть к воде до того, как придется плыть по морю-океану. Я бы даже сказал, что, до того как мы соберемся уезжать из Глупска, нам следовало бы прокатиться по реке. Вон там, видишь, стоит лодочник. Давай-ка подойдем, подкинем ему сколько-нибудь, и он поедет с нами.

¹ Эбро — река в Испании

Спустя несколько минут наши путешественники отважно влезли в лодку и поплыли по Пятогниловке. На первых порах им было страшно. У Сендерла кружилась голова, дрожали руки и ноги. Вот-вот, казалось ему, лодка опрокинется, и он свалится в бездонную пучину реки. Тут ему и конец! А жена останется навски покинутой. Но потом полегчало.

— Ничего, Сендерл! — утешал его Вениамин, когда они вышли на берег. — Это ничего, что голова кружится и немного не по себе. Это морская болезнь, которую неизбежно переносят все впервые плывущие по морю. Вот увидишь, в следующий раз будет легче: ты ничего не почувствуешь.

С того времени наши герои часто и с большим удовольствием катались по реке. Они так расхрабрились, что переплыть море казалось им теперь пустяком.

Вениамин при помощи Сендерла пускался в разговоры с лодочником, забрасывал его вопросами:

— Спроси-ка, Сендерл, у капитана, сколько миль отсюда до моря? Спроси, есть ли здесь острова? Какие люди живут там? Есть ли среди них евреи? Кому эти евреи платят дань? И терпят ли они гнет и преследования? Еще спроси у капитана, знает ли он что-нибудь о горах Нисбон и о Койфер-ал-Турех? Не слышал ли он чего-нибудь о десяти коленях Израилевых? Кто его знает, может, ему что-нибудь и известно!

Вениамин часто поручал Сендерлу задавать лодочнику разные подобные вопросы. Но того запаса нееврейских слов, которые Сендерл усвоил, сопровождая свою жену на базар, было явно недостаточно, чтобы толковать о столь высоких материях. Торговаться при покупке яиц, лука, картофеля он еще кое-как умел. Но беседовать с капитаном на ученые темы бы-

нул обратно в лодку с такой силой, что Вениамин долгое время не мог прийти в себя. Он слышал только, что вокруг все волнуется, шумит, точно лодка, преодолевая препятствия, с огромным трудом расчищает себе путь. Когда Вениамин очнулся, лодочник рассказал, что нашему герою грозила опасность потонуть в этой зелени. Потому что это вовсе не остров, как думал Вениамин, а плесень, которой ежегодно зацветает Пятогниловка.

«Однако, — пишет Вениамин, — я не могу поверить этому. Правда, зелень чем-то пахла, но я в жизни своей не слышал и в книгах своих не читал, чтобы вода цвела. Ведь если бы она зацветала, она давала бы какие-то плоды! Нет, я придерживаюсь того мнения, что это — огромная морская рыба «хилейно», о которой очень интересно рассказывается в «Отображении мира»: «Эта чудовищная рыба покрывается травой и землей и становится похожей на большой остров. Мореплаватели часто принимают ее за прекрасную цветущую возвышенность; они высаживаются на нее, делают, что им нужно, раскладывают огонь, готовят себе пищу. Когда рыбе становится жарко от огня, она погружается в бездну, а те, что расположились на ней, тонут». Это еще одно неопровержимое доказательство для неукротимых спорщиков, что предки глупских жителей происходят из Индии. Плывя оттуда по Пятогниловке, они в давние времена затащили с собою «хилейно», которая водится в Индии и имеет обыкновение гнаться за кораблями».

Однажды Вениамин заглянул в реку и увидел там в глубине какие-то странные существа, очень похожие на женщин.

«Когда-то, — рассказывает Вениамин, — я читал в

ло выше его сил. Жалко бывало смотреть, как Сендерл-бедняга мучается во время такого разговора: он орудовал руками, ногами, пускал в ход все, что мог, обливался потом. Капитан плевался и ворчал, сердито поглядывая на него исподлобья. Но Вениамин продолжал морочить ему голову, тормозил и смотрел прямо в рот.

— Він червоні жидки питає!¹ — говорил, к при меру, Сендерл.

— З червоних жидків я знаю Лейбку, Шмульту... Богаті жидки! — отвечал капитан.

— Ні Лейбку, ні-ні! Він червоні жидки питає... тамочка... Ну как это сказать? Ні тамочка, а коло горки Нисбона...

— Нисбона? Якого Нисбона?

— Скажи ему, — кричал Вениамин, — что это — гора! Объясни ему как умеешь!

Сендерл, приподняв руки, смыкал их сверху, пытаясь изобразить гору: «Геть-геть... высоко!»

— Тьфу! — плевался лодочник, посылая своих пассажира ко всем чертям.

О своих путешествиях по Пятогниловке Вениамин рассказывает удивительные вещи, поразившие весь мир. Приводим здесь лишь краткие выдержки из его описаний.

Однажды, катаясь на лодке, Вениамин увидел посреди реки большую зеленую полосу, пленявшую взор своей яркостью. Он подумал, что это остров, заросший травой и благоухающими корнями. И уже было занес ногу, чтобы прыгнуть на него, но лодочник неожиданно сватил его сзади и с криком швыр-

¹ Он о красноликих евреях спрашивает.

книгах о том, что в воде существуют морские люди. Мне приходилось также слышать от стариков, которым вполне можно верить, что они сами видели таких морских людей на представлениях бродячих комедиантов; обычно комедианты показывали их зрителям после представления за несколько грошей. На сей раз я сподобился увидеть их собственными глазами. Крайне удивленный, я указал на эти существа лодочнику, но тот, в свою очередь, указал мне на каких-то прачек, стоявших на берегу и стиравших белье. Я ему показывал на воду, а он мне — на берег, на прачек. И так как мы друг друга не понимали, то он не знал, на что указываю я, а я не знал, на что указывает он, и, таким образом, я от него ничего толком не добился».

Неподалеку от берега, у самого города Вениамин видел на реке такое место, где вода напоминала студень, а кое-где была даже гуще. Этой гущей водовозы снабжают жителей города. А они разбавляют гущу обыкновенной водой из бочек и готовят всякие блюда.

«Я сам, — говорит Вениамин, — пробовал пищу, приготовленную на такой воде, — пробовать бы мне так левифана¹ на том свете! Это очень вкусно! Кисло-сладкое мясо, приготовленное таким образом, — всем блюдам блюдо! Я набрал полные карманы этой гущи и наказал Сендерлу запасти ее побольше, так как в далеком путешествии по морям и пустыням она может очень пригодиться».

¹ Левифан — мифологическая рыба огромных размеров. Согласно еврейским религиозным представлениям, этой рыбой кормят благочестивых в раю.

Веселые и радостные, прогуливались однажды наши герои за городом. Они шутили, смеялись, заглядывали друг другу в глаза и были чем-то очень довольны. Они напоминали влюбленных молодоженов, привольно разгуливающих на лужайке, радующихся каждому слову, каждому взгляду. Однако что привело их в такой дикий восторг, откуда такая радость, почему они прыгали, подпевали, потешались как сумасшедшие? Дело в том, что наши путешественники твердо решили обязательно завтра же покинуть Глупск и водой отправиться в добрый час туда...

Неожиданно их нагнала телега. На телеге сидели два еврея. Один погонял, а другой, склонившись над бортом и сдвинув шапку на затылок, сосредоточенно жевал соломинку. Ясный признак, что он что-то обмозговывал, придумывал какую-то хитрую штуку.

Приметив наших веселых путешественников, оба встречных оглядели их с головы до ног и пустились с ними в разговоры. Первым делом, как водится, спросили: «Откуда будете?» Потом: «Ваше имя?» А затем последовал весь перечень вопросов, обычных в таких случаях. А нашим героям только того и нужно было. Выложили все как есть, как говорится: что на уме, то на языке. Евреи на телеге лукаво переглянулись, пошушукались, и тот, что держал соломинку во рту и сидел в сдвинутой на затылок шапке, шепнул другому на ухо: «Ничего, сойдет! В крайнем случае — еще несколько монет...»

— Знаете, — обратились оба еврея к Вениамину и Сендерлу, — право же, наш город тоже мог бы удостоиться чести видеть у себя таких почтенных людей! Очень просим вас, окажите нам честь, садитесь немедленно и, не раздумывая долго, поезжайте с нами. Руча-

290

рым высокопоставленным лицам, замолвим за вас словечко, и вас примут радушно и обеспечат всем необходимым, так что вы сможете тут же продолжить ваше дальнейшее путешествие! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! И вам того же! — ответили Вениамин и Сендерл.

И тут же прочитали молитву, погладили себя по животу, позевали, почесались, как водится, и улеглись в самом лучшем расположении духа.

емся, что вас хорошо примут, обеспечат едой, питьем и всем, чем возможно.

— Мы бы вам, без сомнения, не отказали! — ответил Вениамин. — Но у нас твердо решено завтра же отправиться отсюда водой.

— Извините, — сказали незнакомцы, — но вы, будем откровенны, говорите глупости! Тоже мне вода — Пятигилловка! Да ведь это, простите, нулик, вонючее болото, поганая лужа, зацветшая, заплесневелая! А у нас Днепр, который впадает в море! От нас вы, с божьей помощью, быстро доберетесь до заветного места. Не упрямитесь же, честное слово, и айда в телегу!

— Как ты думаешь, Сендерл? — спросил Вениамин. — Может быть, и в самом деле сделать им одолжение и поехать?

— А мне что? — ответил Сендерл. — Хочешь ехать, — пожалуйста, поедем!

И вскоре наши путешественники, польщенные оказанной им честью, сидели в телеге и, охваченные радужными мечтами, ехали в гости. В дороге было очень весело. Покровители не спускали с них глаз, следили за каждым их движением, угождали им едой и питьем, ухаживали за ними, как за роженицами. Подобное нашим героям и во сне не снилось.

Вечером следующего дня вся компания благополучно прибыла в Днепровицы и остановилась в заезжем доме. Покровители угостили своих подопечных хорошим ужином.

— Сегодня вы устали с дороги, — обратились они к Вениамину и Сендерлу — лягте пораньше и отдохните. А завтра, когда вы, с божьей помощью, встанете окрепшие и посвежевшие, мы вас поведем к некото-

10

291

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О том, как наших путешественников водили за нос

— Ради бога! Дайте хоть помолиться перед смертью! — не своим голосом закричал во сне Сендерл и разбудил Вениамина.

Вениамин ни жив ни мертв соскочил со своей койки и, наспех ополоснув руки, подбежал к Сендерлу, посмотреть, что с ним.

На дворе уже светало. Кругом было тихо, слышалось лишь храпение спящих в доме. Каждый храпел на свой лад: кто гудел, как бандура, кто трубил трубой; один храпел отрывисто, другой протяжно, третий забирался куда-то высоко-высоко, срывался, отдуваясь, а заканчивал сердито, будто допытываясь чего-

293

то. Все вместе составляли своеобразный оркестр, в котором носы, стараясь изо всех сил, исполняли концерт в честь знаменитых днепровицких клопов, с аппетитом пожиравших ночлежников и упивавшихся их кровью — еврейской кровью!

Днепровицы, очевидно, долгое время пасли своих клопов, своих людоедов, в этом треклятом подворье, в обособленном еврейском заезжем доме. Казалось, сюда приползли клопы со всех кварталов города, чтобы сосать еврейскую кровь...

Еврей, собиравшийся в Днепровицы, заранее мирился с мыслью, что ему за это придется расплачиваться своей кровью, что от этой взятки никак не отделаешься: «Кусай, мол, кусай, днепровицкий клопик, воняй, клопик, выводи свои кровавые письмена и убираться ко всем чертям!»

— Чего ты так кричишь, Сендерл? — спросил Вениамин, подойдя к нему. — Верно, клоп больно укусил? Ужас сколько здесь клопов! Они мне всю ночь глаз сомкнуть не дали. Я только недавно уснул.

— Скорей, скорей бежим отсюда! — кричал, все еще не приходя в себя, Сендерл.

— Господь с тобой, Сендерл! Что ты говоришь?.. Ну, что такого, если клоп укусил? На то он и клоп, а ты человек...

Сендерл некоторое время растерянно глядел на Вениamina, потом протер глаза и сказал со вздохом:

— Мне снился страшный сон! К добру ли это?

— Ну, мало ли что приснится иной раз! — ответил Вениамин. — Мне тоже снилось, будто подползает ко мне гремучий змей, вглядывается в меня и спрашивает: «Это вы — реб Вениамин из Тунейдовки? Пойдемте со мною, пожалуйста, вон туда; там Александр

294

ся, но не могу с места двинуться, будто держат меня. Хватаюсь за голову, а на голове у меня бабий платок. Эге, оказывается, я вовсе не Сендерл, а с позволения сказать, женщина, баба. Бороды и следа нет. На мне какая-то юбка, а живот болит, прямо невмоготу! «Ничего! — говорит кто-то. — Первые роды всегда чуточку трудноваты...» — «Ой, дяденька, дяденька, — кричу я не переставая, — ведь это мне не по силам! Мне дурно!» — «Затрещина по затылку в таких случаях очень помогает! Это сразу же приводит в чувство, — говорит дяденька и тут же начинает меня колотить. — Вот тебе за прошлое, и за настоящее, и за будущее!» — приговаривает он и вдруг исчезает. Ох, горе мое! Лежу это я, лежу, на онец, с божьей помощью, приподымаюсь и вскакиваю. Подбегаю к дверям, — двери заперты. Стучу, стучу, — напрасный труд! Вдруг двери сами распахиваются. Только я ногу на порог занес, как схватили меня разбойники и поволокли в какую-то пещеру. Выхватили нож, хотят резать. Подносят нож к горлу, но тут я как закричу: «Хоть помолитесь дайте перед смертью!» Вот и весь мой сон. К добру ли это, Вениамин?

— Сплюнь, Сендерл, еще три раза, — посоветовал Вениамин, — и выкинь из головы свой сон. А если хочешь, вставай: уже день. Почитай псалмы.

Сендерл со вздохом поднялся и пошел умываться. Затем надел свой халат, достал псалтырь в переводе на еврейский язык и, открыв псалом десятый, на котором остановился раньше, принялся читать с грустным напевом:

Зачем, о боже, в этот скорбный час
Ты милостью своей обходишь нас?

296

Македонский со своим войском поджидает вас: он жаждет с вами познакомиться!» Я срываюсь с места змей несется впереди, а я за ним. «Вы, не сглазится!» — кричит кто-то позади меня. Оборачиваюсь — передо мной Александр Македонский! «Государь мой!» — восклицаю я и хватаю его за руку. Жму ее, жму, но тут в нос мне ударяет нестерпимая вонь, вот-вот в обморок упаду. Просыпаюсь и чувствую — в руке раздавленный клоп... Тьфу, чтоб тебя!.. Сендерл, сплунь три раза и забудь про сон. Что тебе снилось?

— Тьфу, тьфу, тьфу! — послушно трижды сплунул Сендерл и стал рассказывать свой сон:

— Снилось мне, будто иду это я по улице и забрел куда-то далеко-далеко. Вдруг меня хватают сзади, бросают в мешок и несут-несут куда-то... Наконец принесли. Чувствую, кто-то развязывает мешок и закатывает мне оплеуху, да такую, что у меня сразу два зуба вылетело. «Это тебе покамест в задаток, — слышу я, — окончательный расчет будет потом!» Подымаю глаза, — передо мною жена в повойнике, страшно сердитая: глаза горят, изо рта пена брызжет. «Погоди-ка, погоди, сокровище мое! — шипит она усмехаясь. — Пойду принесу кочергу, тогда покажу тебе, сколь велик наш бог!» Тол ко она пошла за кочергой, а я шмыг — и давай бог ноги! Бегу, бегу, прибегаю в какую-то корчму. В корчме темно, под ногами скользко, кругом ни души. Ложусь в уголке, глаза закрыл и сплю. И вот является мне во сне дедушка, реб Сендерл, царство ему небесное, грустный такой, с заплаканными глазами, и говорит: «Сендерл, дитя мое, не спи! Вставай. Сендерл, вставай! Беги отсюда, беги куда глаза глядят! Ты в опасности!» Хочу приподнять-

295

Напев стал еще печальнее и трогательней при чтении следующих стихов:

Злодей, коварные бросая взгляды,
На честный люд взирает из засады.
Он хищных глаз не сводит с бедняка,
Вот-вот беднягу сцапает рука.
За жертвсю своей следит украдкой, —
У хищника звериная повадка.
Помедлил горемыка и... бросок,
И в лапах зверя лакомый кусок.

Когда Сендерл кончил читать псалтырь, было уже совсем светло. Постояльцы встали. На столе kloкoтал большой самовар, все пили чай. Вениамину и Сендерлу налили по стаканчику горячего. Они подкрепились и повеселели.

Помещение, еще недавно служившее спальней, а затем чайной, сразу превратилось в молельню. Постояльцы закатали рукава и, обнажив руки — закопченные, гладкие, тощие, жирные, смуглые, белые, темные, всех оттенков и видов, — надели филактерии и таласы и начали молиться.

Наши благочестивые странноприимцы молились горячо, с ужимочками, с гримасами, с кривляньем, поджимая губы, как подобает истинным страдальцам и ревнителям веры. С господом богом они вели душевный разговор, называя его «Отец родной!», «Батюшка!» Молились, делая затяжные паузы, дольше всех. Помолвившись, они налили себе по рюмочке. Сперва пригубили и почмокали. На носу у них выступили ярко-красные смородинки. Затем обратились к молящимся: «Лехаим! Лехаим!» Пожелали: «Да смилуется наконец всевышний над многострадальным наро-

297

дом израильским!» Закатали при этом глаза и, тихо вздохнув, опрокинули наконец рюмки. Ясно было, что это люди не простые, а богобоязненные, благочестивые, спасающие душу.

Между тем один из этих благочестивых ушел куда-то в город и задержался там часа на два. Когда он вернулся, приятель заглянул ему в снявшее довольством лицо, и оба чему-то обрадовались. Они велели накрывать на стол и, прежде чем помыть руки перед едой, тщательно осмотрели кружку, как и полагается набожным евреям; затем пригласили и наших путешественников мыть руки и перекусить вместе с ними. За столом они были очень оживлены, расхваливали хозяйку за вкусные блюда и всячески выражали ей свое расположение. Пустились в общие разговоры, стали толковать о судьбах еврейского народа, о том, что пора ему наконец по-настоящему воспрянуть. Почему, за что такой народ, такой замечательный народ обречен на муки? Стали расхваливать евреев, восторгаться и превозносить их сметливость и проницательность.

— Чего только не умеет еврей! Все, чем гордится мир — телеграф, железная дорога и прочее и прочее, — все это давным-давно было известно евреям! Но все это пустяки! Главное в другом, главное в изюминке, в еврейской изюминке, — вот в чем вся сила!

Они обрушились на фармазонов, поносили новоявленных ученых, проклинали их, а вместе с ними и богопротивные школы, в которых еврейским детям внушают вольнодумство, где сидят они с непокрытыми головами!

298

нется, ее не упростишь, не умолишь сойти с небес и влезть в материнскую утробу, пока не соблазнишь ее баней. Баня — главное агентство, центральная посредническая контора между небом и землей. Еще до рождения еврея, еще до того, как в нем забьется жизнь, о нем уже знают в этой конторе все — от банщика и банщицы до мозольного оператора и парильщицы. Добавочную душу¹ в субботу и в праздник еврей не почувствует в себе, пока не вымоется в бане. Без бани он какой-то заскорузлый, несвежий. Взгляните на еврея в пятницу, когда он пришел из бани: он цветет, он помолодел на несколько лет, глаза у него искрятся, все чувства его обострены. Запах фаршированной рыбы и тушеной моркови благоуханным фимиамом бьет в нос. Он нюхает, шмыгает и испытывает блаженство. Душа ликует, заливаясь соловьем, поет «Песнь песней», распаляется, и человек, преобразенный, уносится в какой-то иной мир.

В баню еврей приходит, как на родину, как в свободную страну, где все равноправны, где он наравне со всеми свободно может достигнуть высшей ступени — забраться на верхний полук и взбодрить свою горемычную душу, хоть на часок расправить кости и скинуть с плеч обузу своих невзгод и тягот. Вот что значит баня для еврея!

Понятно поэтому, что предложение сходить в баню пришлось нашим путешественникам как нельзя больше по душе. Спустя несколько минут они без дальних сборов уже шли вместе со своими благонаправными покровителями.

¹ По религиозным представлениям, верующие евреи получают на субботу и праздники вторую, добавочную душу.

300

— Скоро настанет время, когда знаток Мишны¹ будет на вес золота, а писцу, составителю прошений будет грош цена! А то ведь до чего дожили! Хороши времена, нечего сказать!

В таком духе шла беседа. Потом завели разговор о путешествии наших героев.

— Желаем вам, — сказали они, — чтобы господь бог оказал вам свою милость и помог исполнить все, чего мы от вас ждем.

Вениамин был на седьмом небе от такого пожелания. К тому же он был, как говорится, слегка навеселе. Он разошелся и понес бог весть что.

— Знаете, реб Вениамин, реб Сендерл, — сказали гостеприимные хозяева, вставая из-за стола, — будем придерживаться наших простецких стародавних обычаев, по примеру отцов наших. Давайте после дороги в баню сходим, косточки распарим. Вы сможете там и остричься и побриться, — совсем другими людьми станете. А после бани примемся за свои дела. Право же, это будет лучше. Быть может, это не так уж по-современному и нынешним безбожникам покажется не ахти как хорошо, но мы люди не шибко ученые и будем вести себя так же, как и наши деды в старину.

Еврей никогда не отказывается от бани. Баня для еврея во сто крат привлекательнее, чем шинок для пьяницы, чем ручей для гусей и уток. Удовольствие, которое испытывает в бане еврей, вряд ли кому-нибудь другому понятно. Баня тесно соприкасается с религией еврея, с его внутренними переживаниями, с его семейной жизнью. Еврейская душа с места не дви-

¹ Мишна — основная часть талмуда.

299

Вениамин и Сендерл представляли себе баню такой, какой она обычно бывает в еврейских местечках: нелепым строением, мрачным, замызганным, где-нибудь на окраине, в овраге, так что добраться до нее можно только с трудом по узеньким трухлявым мосткам. Когда же наших путешественников привели к красивому трехэтажному зданию в центре города и сказали: «Вот она, баня», — они широко раскрыли глаза от изумления.

— Эх, вы! — посмеивались над ними их благодетели. — Вот войдем туда внутрь, там вы увидите кое-что получше.

В передней наших героев поразил крашенный пол, устланный дорожками. Им казалось, что они попали в волшебный замок из «Бовы-королевича» и «Тысячи и одной ночи». Вот сейчас их встретят принцессы, царевны, и заживут они, наши герои, в свое удовольствие! Однако вместо принцессы к ним подошел солдат с нашивками и честь честью предложил им раздеться.

— Раздевайтесь, пожалуйста! — обратились к ним благочестивые покровители. — А мы тем временем пойдем уплатим за баню. Будьте спокойны, вы здесь получите хорошую парную баньку!

Раздевшись, Вениамин и Сендерл прихватили с собою свою одежду, которую намеревались, как водится, пожарить в тепле. Дюжиной смен белья в своем гардеробе они не располагали. По несколько недель кряду носили одну сорочку. Понятно, что их, бедных, покусывало, и прожарить белье было прямо-таки необходимо. Но солдат отобрал у них вещи и повел в комнату, уставленную скамьями. За большим столом

301

71
все было им чуждо: и сборный пункт, и солдаты, и незнакомый язык, и все, что им приказывали делать. Шинель висела на них мешком и выглядела как бабья юбка, фуражка сидела на голове, как повойник. Глядя на них, казалось, что все это сплошное притворство: два еврея нарядились и издеваются над солда-

305

72

тами, передразнивают их, открыто показывая, как глупы они со всеми своими штуками. Горе было винтовке, попавшей в руки наших героев! У них она была похожа скорее на кочергу, которой мужчина неумело орудует у печи. А на учении они выделывали ногами и руками такие выкрутасы,— чистая комедия, да и только!

В побоях наши рекруты, разумеется, недостатка не испытывали. Но, как говорится, нет на свете такой беды, с которой бы человек не свыкся. И не только человек,— свыкаются и другие существа. Уж на что птица любит волю! И все же,— поймают ее, посадят в клетку, она и привыкает помаленьку: она уже и зерно клюет с аппетитом, и прыгает, и распевает веселые песенки, точно весь вольный мир с его полями и лесами заключен в этой тесной клетке.

Сендерл стал постепенно свыкаться со своим положением; он начал внимательно приглядываться к солдатской муштре и пытался проделывать все эти штуки на свой лад. Любо было смотреть, как он частенько один на один повторяет солдатскую науку: вытягивается в струнку, задирает голову, пыжится, как богатырь, и марширует, марширует, вертится и крутится, как надутый индюк, до тех пор пока не собьется с ноги и не свалится.

А Вениамин — наоборот: он никак не мог привыкнуть ко всему этому. Он принадлежал к той породе птиц, которых называют перелетными. Ежегодно к концу лета они улетают в дальние теплые края и зимуют там. Страсть к перелетам у этих птиц настолько сильна, что в клетке им в ту пору и жизнь не мила: они не едят, не пьют, на стенку лезут, тщетно пытаясь вырваться на волю. Мечта о путешествии в даль-

ние края, овладевшая душой Вениамина и ставшая его второй натурой, мечта, ради которой он покинул жену и детей, ни на минуту не давала покоя, сверлила, клевала мозг, негодовала и приказывала: «Иди, Вениамин, дальше, двигайся дальше, дальше!»

Так в муках и тоске прошла для Вениамина зима. Однажды в прекрасный послепасхальный день, когда Сендерл сам себя муштровал, к нему подошел Вениамин и завел такой разговор:

— Честное слово, Сендерл, ты еще совсем мальчишка! Шалишь, вытворяешь какие-то штуки, точно сорванец! Скажи на милость, какой из этого толк? Не забудь, что ты, слава богу, человек женатый и как никак еврей к тому же. Зачем же ты занимаешься такими глупостями? Да еще всю душу в них вкладываешь! Какая, скажи пожалуйста, разница, с левой или с правой ноги делать «кругом», как они это называют? Не все ли равно?

— А я знаю? — ответил Сендерл. — Велят — «кругом», — пусть будет «кругом». Мне-то что!

— Скажи-ка мне, о нашем путешествии ты уже забыл? Как же это так, боже мой! Забыл о нашем путешествии, о путешествии туда, в те края... Дракони!.. Мул!.. Гремучий змей!.. — горячился Вениамин.

— Шагом м-марш! — твердил Сендерл и поднимал ноги.

— Горе тебе, Сендерл, горе твоему маршу! Постыдился бы, право! Скажи-ка лучше, дурень этакий, будем мы с тобой путешествовать?

— По мне, — пожалуйста! — ответил Сендерл. — Только бы нас отпустили.

— К чему мы им и на что мы им нужны? — сказал Вениамин. — Нет, в самом деле, скажи-ка, Сендерл, по

совести, если бы, упаси бог, пришел враг, смогут ли такие, как мы, выйти ему навстречу? А если ты тысячу раз подряд скажешь ему: «Уходи отсюда, не то сделаю «пу-пу-пу!», — послушает он тебя, что ли? Наоборот, он как схватит тебя, — счастлив будешь, если живым вырвешься из его рук!.. Поверь мне, я ведь вижу, что мы здесь совершенно лишние, они охотно избавились бы от нас. Я сам слышал, как старший говорил, что мы для него только обуза и что, будь это в его власти, он давно спровадил бы нас ко всем чертям. Да и в самом деле, что им толку от нас? Уверю тебя, Сендерл, — это с самого начала было нелепой затеей: мы им ни к чему и они нам ни к чему! Те двое, что привели нас сюда, наверное, наговорили им, что мы невесть какие храбрецы и знатоки военной науки. Но разве мы виноваты, что те их обманули? Они и нас подло обманули! Ведь мы приехали сюда лишь затем, чтобы собрать немного денег на дорогу и двинуться дальше. О военных делах у нас никакого разговора не было! Готов поклясться всем святым, что об этом даже не упоминалось. А так просто хватать людей — разве это справедливо? Словом, наши начальники не виноваты, что нас обманули, а мы не виноваты, что их обманули. Виноваты только те лгуны и жулики, которые одурачили обе стороны. Они, только они, Сендерл, виноваты во всем, и никого другого тут винить нельзя! Они, только они!

— Ну, ладно! — прервал его Сендерл. — Что же нам, по-твоему, делать?

— Я хочу, — ответил Вениамин, — чтоб мы продолжали наше путешествие. Что же поделаешь, как говорится, сватовство не состоялось, — снова в девках! Мне кажется, никто нам не запретит... Ни по закону,

ни по справедливости нас не могут задержать. Но если ты боишься, что нас все-таки не отпустят, есть и другое простое средство: можно уйти тайком. Кто об этом узнает? Прощаться «за ручку» мы ни с кем не обязаны.

— Я тоже полагаю, что прощаться «за ручку» — это лишнее, — согласился Сендерл. — Ведь когда мы в прошлом году покинули семью, мы никому, даже жене и детям, ни слова не сказали на прощание.

После этого разговора наши герои снова начали думать о своем путешествии и беспрестанно советовались, как бы удрать. Вениамин ходил сам не свой, места себе не находил, метался, словно курица весенней порой, которой не терпится высидеть цыплят. Он был так углублен в свои мысли, что ничего не видел и не слышал вокруг. Бывало, пройдет мимо старшой, а он по рассеянности и не козырнет. Отпустят ему затрещину или дадут по затылку, а он и не поморщится, будто его не касается. Ему толкуют что-то по части военной муштры, а у него хоть бы слово застряло в голове. Он и не слушал. Одно только занимало его — путешествие. Эта мечта уносила его далеко-далеко.

Однажды поздно ночью, когда солдаты в казарме крепко спали, Вениамин на цыпочках подошел к койке Сендерла.

— Сендерл, ты готов? — прошептал Вениамин.

Сендерл кивнул, ухватил Вениамина за полу, и оба потихоньку вышли во двор.

Дул теплый ветерок. Ключья черных и багрово-синих туч носились по небу длинной вереницей, будто тысячи чумаков спешили за своими подводами, груженными товаром, торопясь поспеть на ярмарку.

Луна, точно приказчик, сопровождала этот чудовищно длинный караван; время от времени она высовывала голову — посмотреть, что творится вокруг, а затем снова надолго пряталась за черный как смоль облачный полог.

В темноте наши беглецы тихонько двинулись по двору, подошли к забору, взобрались на штабель дров, а оттуда уже нетрудно было вскарабкаться и на забор. Но тут Сендерл спохватился и шепнул на ухо своему другу:

— Знаешь, Вениамин, я ведь торбу забыл! Может, вернуться за ней?

— Ни в коем случае! — заволновался Вениамин. — Возвращаться нельзя, — это дурная примета! Захочет господь помочь человеку — он ему и торбу пошлет!

— Мне вспоминается теперь, — заговорил Сендерл, — как дедушка мой, реб Сендерл, царство ему небесное, наставлял меня во сне: «Вставай, Сендерл! — говорил он. — Беги отсюда, беги куда глаза глядят!» Воздал бы нам бог за благочестие дедушки! Вот был по-настоящему благочестивый человек, без всяких фокусов... Бабушка, царство ей небесное, бывало рассказывает...

Не успел, однако, Сендерл, поведать о том, что бабушка рассказывала о дедушке, как раздался окрик солдата, стоявшего в сторонке на часах.

Наши герои прижались к забору; затаяв дыхание, они лежали без движения, словно два вороха тряпья. Немного погодя, когда кругом все стихло, обе кучи тряпья обнаружили признаки жизни и осторожно перебрались через забор. На четвереньках ползли они теперь все дальше и дальше, пока наконец не миновали пост караульного и не выбрались в переулок.

310

игрушку! Играй, сорванец, забавляйся! Делай пифпаф!» А однажды дед явился с юлой и стал играть с любимцем внуком. Сендерл вертел-вертел юлу и выиграл у деда грошик... Хороший сон — и тот на радость человеку. А разве вся жизнь — не сон? Но Вениамин был и этого лишен. Он не мог спать, — до того был взволнован и возмущен. Он видел сквозь окно, как ярко на дворе светит солнце, как пробивается и растет зеленая травка, как чудесно расцветают деревья, как люди ходят, бегают, суеются, как птицы вольно летают в небе... Сейчас самая пора странствовать, а он сидит взаперти и не может продолжать своего путешествия... Он даже подпрыгивал от досады, хватался за голову, метался, как в клетке, и кричал: «Боже мой! Что я им такого сделал? Господи, чего они от меня хотят?!»

Здесь Вениамин и Сендерл встали на ноги и, облегченно вздохнув, весело обменялись горящими взглядами.

— Бабушка, царство ей небесное, бывало рассказывает, — снова начал Сендерл, — что дедушка всю жизнь мечтал побывать в святой стране обетованной. Перед смертью он сел и сказал: «Не судил мне господь побывать там, но верю, что кто-нибудь из детей моих все же увидит землю обетованную». Чует мое сердце, что он имел в виду меня. Из моих бы уст да в божьи уши!

Но слова из уст Сендерла дошли не до бога; их услышали совсем не те уши. Не успел Сендерл выразить свое пожелание, как вдруг раздался окрик: «Кто идет?» Часовой, не получив ответа, быстро подбежал к ним и снова спросил:

— Кто здесь?

Тут, к несчастью, луна выглянула из-за туч и осветила наших смертельно бледных, онемевших беглецов. Перед ними стоял часовой и, угрожающе размахивая руками, осыпал их матерной бранью.

Спустя несколько минут арестованные Вениамин и Сендерл очутились на гауптвахте.

Нет слов для описания мук, которые испытывали в заточении наши путешественники. Они, бедные, осунулись, потеряли человеческий облик. Сендерл, правда, и здесь умудрялся спать, и сон избавлял его, по крайней мере на несколько часов, от страданий. Иной раз ему снилось что-нибудь приятное. Дедушка, реб Сендерл, стал его частенько навещать во сне, шутил, играл с ним. Он никогда не приходил с пустыми руками: то рогатку принесет, то шашку, то трешотку... Ущипнет внука за щечку и говорит: «На тебе, шалун,

311

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Свадьба не состоялась

Спустя несколько дней после того, что произошло с нашими героями, в воинской канцелярии сидело много офицеров в полной форме; среди них были и генерал и полковник. А в стороне стояли два солдата с понурыми головами и выглядели как мыши, вытященные из кринки с простоквашей. Офицеры смотрели на этих солдат, оглядывали их с головы до ног, потом о чем-то говорили между собой и слегка улыбались.

313

— Знаешь, Сендерл! — тихо проговорил один из солдат в то время, как офицеры беседовали между собой.— Если бы я даже знал, что тут мне и конец, я должен сказать им всю правду! Я очень сердит!

— По мне, Вениамин, ты можешь сказать им всю правду! — ответил второй солдат.— Если тебе так хочется, пусть будет по-твоему. Мне-то что!

— Это вы поздно ночью удрали из казармы? — строго спросил генерал.— Вы знаете, что вам полагается за такую провинность?

— О-ва! О-ва! — воскликнул в отчаянии Вениамин и наполовину по-еврейски, наполовину по-русски заговорил так, что Хайкл Заика, знаменитый тунейдовский златоуст, мог бы в землю зарыться со своим красноречием.

Генерал отвернулся, рассмеялся и махнул рукой, а вместо него заговорил полковник:

— Вы тяжело провинились, вас следует серьезно наказать!

— Ваше благородие! — воскликнул Вениамин.— Хватать людей среди бела дня и продавать их, как кур на базаре,— это можно, а если они, бедные, захотели спастись, то это называют провинностью? Коли так, то ведь на свете ничего святого нет, и я тогда вообще не понимаю, что можно и чего нельзя! Давайте спросим у людей, пусть они скажут, кто виноват. А что бы, к примеру, было, если бы вас схватили где-нибудь в дороге и силой сунули в мешок, разве были бы вы виноваты, если бы старались изо всех сил вырваться из мешка? Я говорю вам, я утверждаю, что все это произошло не по доброй воле, а по принуждению, что это обман: виноваты во всем только те двое.

314

Они невесть чего наговорили! Мы заявляем вам,— говори, Сендерл, говори! Чего ты стоишь как истукан?! Не бойся! Бог не без милости! Говори вместе со мной: Мы вам заявляем, что в военном деле мы ничего не понимали, не понимаем и понимать не хотим! Мы, слава богу, люди женатые, нам приходится думать совсем о других вещах, и такими делами мы заниматься не можем. Они нам и в голову не лезут. На что же мы вам сдались? Мне кажется, вы и сами должны хотеть от нас избавиться!

Вениамин был, конечно, совершенно прав. Начальство уже давно намеревалось избавиться от таких солдат. Когда они как следует пригляделись к нашим героям, к их поведению, манерам, увидели, как они маршируют, прислушались к их разговорам, они поняли, с кем имеют дело, и не однажды командиры покатывались со смеху, любуясь на своих питомцев. Сейчас присутствие собиралось лишь проверить их, попытаться узнать, что же это за люди. Вениамин и Сендерл выдержали это испытание с честью, даже лучше, чем можно было ожидать. Офицеры были очень довольны; они от души посмеялись.

— Ну, доктор? — обратился генерал к одному из военных, проявлявшему большой интерес к Вениамину и Сендерлу и вступившему с ними в продолжительную беседу.

Доктор приложил палец ко лбу и покачал головой, точно желая сказать: «У них не все дома!»

Кончилось тем, что офицеры, посоветовавшись и записав что-то, распорядились отпустить наших героев на волю.

315

— Идите! — сказали им.— Идите подобру-поздорову!

Вениамин, почтительно поклонившись, направился к выходу. Сендерл, по-военному отбивая такт, следовал за ним.

1876—1878

